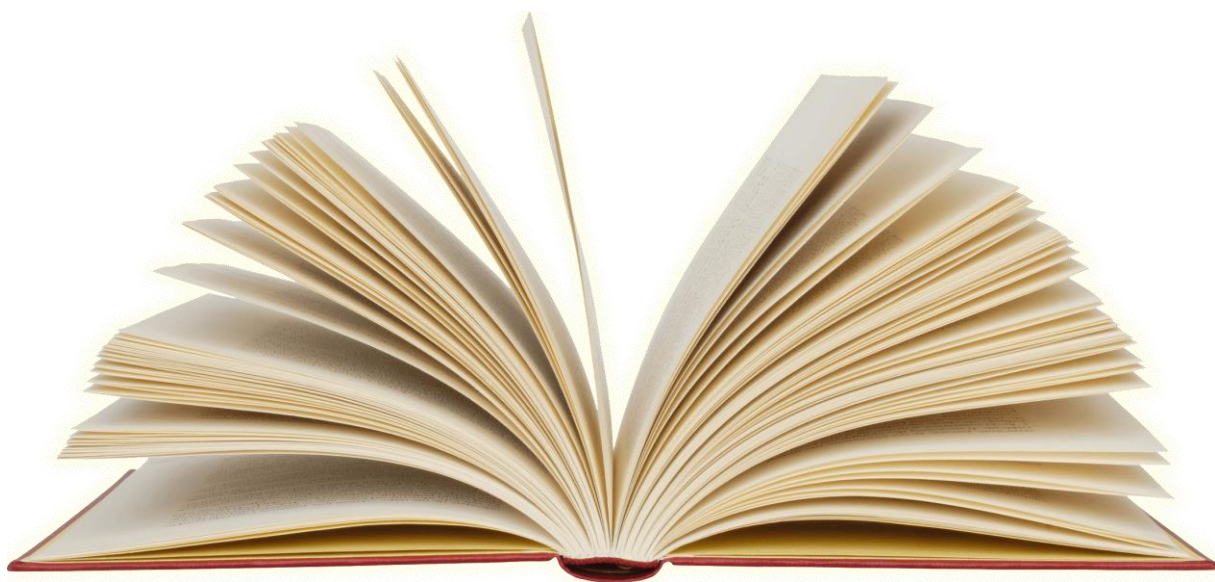

**Картотека произведений
Д. Н. Мамина - Сибиряка**

для детей дошкольного возраста

Содержание

Аленушкины сказки. Присказка	2
Сказка про храброго Зайца — длинные уши, косые глаза, короткий хвост	2
Сказочка про Козявочку	3
Сказка про Комара Комаровича — длинный нос и про мохнатого Мишу — короткий хвост	4
Ванькины именины	6
Сказка про Воробья Воробеича, Ерша Ершовича и веселого трубочиста Яшу	10
Сказка о том, как жила-была последняя Муха	13
Сказочка про Воронушку — черную головушку и желтую птичку Канарейку	17
Умнее всех	21
Притча о Молочке, овсяной Кашке и сером котишке Мурке	24
Пора спать	26
Серая шейка	30
Лесная сказка	34
Упрямый козел	39
Приемыш	46

Присказка.

Баю-баю-баю.

Один глазок у Алёнушки спит, другой — смотрит; одно ушко у Алёнушки спит, другое — слушает.

Спи, Алёнушка, спи, красавица, а папа будет рассказывать сказки. Кажется, все тут: и сибирский кот Васька, и лохматый деревенский пёс Пстойко, и серая Мышка-норушка, и Сверчок за печкой, и пёстрый Скворец в клетке, и забияка Петух. Спи, Алёнушка, сейчас сказка начинается. Вон уже в окно смотрит высокий месяц; вон косою заяц проковылял на своих валенках; волчьи глаза засветились жёлтыми огоньками; медведь Мишка сосёт свою лапу. Подлетел к самому окну старый Воробей, стучит носом о стекло и спрашивает: скоро ли? Все тут, все в сборе, и все ждут Алёнушкиной сказки. Один глазок у Алёнушки спит, другой — смотрит; одно ушко у Алёнушки спит, а другое — слушает. Баю-баю-баю.

Про храброго Заяц-длинные уши, косые глаза, короткий хвост.

Родился зайчик в лесу и всё боялся. Треснет где-нибудь сучок, вспорхнёт птица, упадёт с дерева ком снега, — у зайчика душа в пятки.

Боялся зайчик день, боялся два, боялся неделю, боялся год; а потом вырос он большой, и вдруг надоело ему бояться.

— Никого я не боюсь! — крикнул он на весь лес. — Вот не боюсь нисколько, и всё тут!

Собрались старые зайцы, сбежались маленькие зайчата, приплелись старые зайчихи — все слушают, как хвастается Заяц — длинные уши, косые глаза, короткий хвост, — слушают и своим собственным ушам не верят. Не было ещё, чтобы заяц не боялся никого.

— Эй ты, косою глаз, ты и волка не боишься?

— И волка не боюсь, и лисицы, и медведя — никого не боюсь!

Это уж выходило совсем забавно. Хихикнули молодые зайчата, прикрыв мордочки передними лапками, засмеялись добрые старушки зайчихи, улыбнулись даже старые зайцы, побывавшие в лапах у лисы и отведавшие волчьих зубов. Очень уж смешной заяц! Ах, какой смешной! И всем вдруг сделалось весело. Начали кувыряться, прыгать, скакать, перегонять друг друга, точно все с ума сошли.

— Да что тут долго говорить! — кричал расхрабренный окончательно Заяц. — Ежели мне попадётся волк, так я его сам съем.

— Ах, какой смешной Заяц! Ах, какой он глупый!

Все видят, что и смешной и глупый, и все смеются.

Кричат зайцы про волка, а волк — тут как тут.

Ходил он, ходил в лесу по своим волчьим делам, проголодался и только подумал: «Вот бы хорошо зайчиком закусить!» — как слышит, что где-то совсем близко зайцы кричат и его, серого Волка, поминают.

Сейчас он остановился, понюхал воздух и начал подкрадываться.

Совсем близко подошёл волк к разыгравшимся зайцам, слышит, как они над ним смеются, а всех больше — хвастун Заяц — косые глаза, длинные уши, короткий хвост.

«Э, брат, погоди, вот тебя-то я и съем!» — подумал серый Волк и начал выглядывать, который заяц хвастается своей храбростью. А зайцы ничего не видят и веселятся пуще прежнего. Кончилось тем, что хвастун Заяц взобрался на пенёк, уселся на задние лапки и заговорил:

— Слушайте вы, трусы! Слушайте и смотрите на меня! Вот я сейчас покажу вам одну штуку. Я... я... я...

Тут язык у хвастуна точно примёрз.

Заяц увидел глядевшего на него Волка. Другие не видели, а он видел и не смелдохнуть.

Дальше случилась совсем необыкновенная вещь.

Заяц-хвастун подпрыгнул кверху, точно мячик, и со страха упал прямо на широкий волчий лоб, кубарем прокатился по волчьей спине, перевернулся ещё раз в воздухе и потом задал такого стрекача, что, кажется, готов был выскочить из собственной кожи.

Долго бежал несчастный Зайчик, бежал, пока совсем не выбился из сил.

Ему всё казалось, что Волк гонится по пятам и вот-вот схватит его своими зубами.

Наконец совсем обессилел бедняга, закрыл глаза и замертво свалился под куст.

А Волк в это время бежал в другую сторону. Когда Заяц упал на него, ему показалось, что кто-то в него выстрелил.

И Волк убежал. Мало ли в лесу других зайцев можно найти, а этот был какой-то бешеный. Долго не могли прийти в себя остальные зайцы. Кто удрал в кусты, кто спрятался за пенёк, кто завалился в ямку.

Наконец надоело всем прятаться, и начали понемногу выглядывать кто похрабрее.

— А ловко напугал Волка наш Заяц! — решили все. — Если бы не он, так не уйти бы нам живыми. Да где же он, наш бесстрашный Заяц?

Начали искать.

Ходили, ходили, нет нигде храброго Зайца. Уж не съел ли его другой волк? Наконец-таки нашли: лежит в ямке под кустиком и еле жив от страха.

— Молодец, косой! — закричали все зайцы в один голос. — Ай да косой! Ловко ты напугал старого Волка. Спасибо, брат! А мы думали, что ты хвастаешь.

Храбрый Заяц сразу приободрился. Вылез из своей ямки, встряхнулся, прищурил глаза и проговорил:

— А вы бы как думали! Эх вы, трусы.

С этого дня храбрый Заяц начал сам верить, что действительно никого не боится.

Баю-баю-баю.

Про козявочку.

I

Как родилась Козявочка, — никто не видал.

Это было в солнечный весенний день.

Козявочка посмотрела кругом и сказала:

— Хорошо!..

Расправила Козявочка свои крылышки, потёрла тонкие ножки одну о другую, ещё посмотрела кругом и сказала:

— Как хорошо!.. Какое солнышко тёплое, какое небо синее, какая травка зелёная, — хорошо, хорошо!.. И всё моё!..

Ещё потёрла Козявочка ножками и полетела. Летает, любитесь всем и радуется. А внизу травка так и зеленеет, а в травке спрятался аленький цветочек.

— Козявочка, ко мне! — крикнул цветочек.

Козявочка спустилась на землю, вскарабкалась на цветочек и принялась пить сладкий цветочный сок.

— Какой ты добрый, цветочек! — говорит Козявочка, вытирая рыльце ножками.

— Добрый-то — добрый, да вот ходить не умею, — пожаловался цветочек.

— И всё-таки хорошо, — уверяла Козявочка. — И всё моё!..

Не успела она ещё договорить, как с жужжаньем налетел мохнатый Шмель, и прямо к цветочку.

— Жж... кто забрался в мой цветочек? Жж... кто пьёт мой сладкий сок? Жж... Ах ты, дрянная Козявка, убирайся вон!.. Жжж... Уходи вон, пока я не ужалил тебя!

— Позвольте, что же это такое? — запищала Козявочка. — Ведь всё моё!..

— Жжж... нет, моё!..

Козявочка едва унесла ноги от сердитого Шмеля. Она присела на травку, облизала ножки, запачканные в цветочном соку, и рассердилась.

— Какой грубиян этот Шмель!.. Даже удивительно!.. Ещё ужалить хотел... Ведь всё моё — и солнышко, и травка, и цветочки.

— Нет уж извините, — моё! — проговорил мохнатый Червячок, карабкавшийся по стебельку травки.

Козявочка сообразила, что Червячок не умеет летать, и заговорила смелее:

— Извините меня, Червячок, вы ошибаетесь... Я вам не мешаю ползать, а вы со мной не спорьте!..

— Хорошо, хорошо!.. Вот только мою травку не троньте. Я этого не люблю, признаться сказать... Мало ли вас тут летает... Вы — народ легкомысленный, а я Червячок серьёзный... Говоря откровенно, мне всё принадлежит. Вот заползу на травку и съем, заползу на любой цветочек и тоже съем. До свидания!..

II

В несколько часов Козявочка узнала решительно всё, именно, что, кроме солнышка, синего неба и зелёной травки, есть ещё и сердитые шмели, серьёзные червяки и разные колючки на цветах. Одним словом, получалось большое огорчение. Козявочка даже обиделась. Помилуйте, она была уверена, что всё принадлежит ей и создано для неё, а тут другие то же самое думают. Нет, что-то не так... Не может этого быть.

Летит Козявочка дальше и видит — вода.

— Уж это моё! — весело запищала она. — Моя вода... Ах, как весело!.. Тут и травка, и цветочки.

А навстречу Козявочке летят другие козявочки!

— Здравствуй, сестрица!..

— Здравствуйте, милые... А то уж мне стало скучно одной летать. Что вы тут делаете?

— А мы играем, сестрица... Иди к нам. У нас весело... Ты недавно родилась?

— Только сегодня... Меня чуть Шмель не ужалил, потом я видела Червяка... Я думала, что всё моё, а они говорят, что всё ихнее.

Другие козявочки успокоили гостью и пригласили играть вместе. Над водой козявки играли столбом: кружатся, летают, пищат. Наша Козявочка задышалась от радости и скоро совсем забыла про сердитого Шмеля и серьёзного Червяка.

— Ах, как хорошо! — шептала она в восторге. — Всё моё: и солнышко, и травка, и вода. Зачем другие сердятся, — решительно не понимаю. Всё моё, а я никому не мешаю жить: летайте, жужжите, веселитесь. Я позволяю...

Поиграла Козявочка, повеселилась и присела отдохнуть на болотную осоку. Надо же и отдохнуть в самом деле. Смотрит Козявочка, как веселятся другие козявочки; вдруг откуда ни возьмись воробей, — как шмыгнёт мимо, точно кто камень бросил.

— Ай! ой! — закричали козявочки и бросились врассыпную.

Когда воробей улетел, не досчитались целого десятка козявочек.

— Ах, разбойник! — бранились старые козявочки. — Целый десяток съел...

Это было похуже Шмеля. Козявочка начала бояться и спряталась с другими молодыми козявочками ещё дальше в болотную траву. Но здесь — другая беда: двух козявочек съела рыбка, а двух — лягушка.

— Что же это такое? — удивлялась Козявочка. — Это уж совсем ни на что не похоже... Так и жить нельзя. У, какие гадкие!..

Хорошо, что козявочек было много, и убыли никто не замечал. Да ещё прилетели новые козявочки, которые только что родились. Они летели и пищали:

— Всё наше... Всё наше...

— Нет, не всё наше, — крикнула им наша Козявочка. — Есть ещё сердитые шмели, серьёзные червяки, гадкие воробьи, рыбки и лягушки. Будьте осторожны, сестрицы!..

Впрочем, наступила ночь, и все козявочки попрятались в камышах, где было так тепло. Высыпали звёзды на небо, взошёл месяц, и всё отразилось в воде.

Ах, как хорошо было!..

«Мой месяц, мои звезды», — думала наша Козявочка, но никому этого не сказала: как раз отнимут и это...

III

Так прожила Кюзявочка целое лето.

Много она веселилась, а много было и неприятного. Два раза её чуть-чуть не проглотил проворный стриж; потом незаметно подобралась лягушка, — мало ли у козявочек всяких врагов! Были и свои радости. Встретила Козявочка другую такую же козявочку с мохнатыми усиками. Та и говорит:

— Какая ты хорошенькая, Козявочка... Будем жить вместе.

И зажили вместе, совсем хорошо зажили. Всё вместе: куда одна, туда и другая. И не заметили, как лето пролетело. Начались дожди, холодные ночи. Наша Козявочка нанесла яиц, спрятала их в густой траве и сказала:

— Ах, как я устала!..

Никто не видал, как Козявочка умерла. Да она и не умерла, а только заснула на зиму, чтобы весной проснуться снова и снова жить.

Про Комара Комаровича-длинный нос и про мохнатого Мишу-короткий хвост.

Это случилось в самый полдень, когда все комары спрятались от жара в болото. Комар Комарович — длинный нос прикорнул под широкий лист и заснул. Спит и слышит отчаянный крик:

— Ой, батюшки!.. ой, карраул!..

Комар Камарович выскочил из-под листа и тоже закричал:

— Что случилось?.. Что вы орёте?

А комары летают, жужжат, пищат, — ничего разобрать нельзя.

— Ой, батюшки!.. Пришёл в наше болото медведь и завалился спать. Как лёг в траву, так сейчас же задавил пятьсот комаров, какдохнул — проглотил целую сотню. Ой, беда, братцы! Мы едва унесли от него ноги, а то всех бы передалил...

Комар Комарович — длинный нос сразу рассердился; рассердился и на медведя и на глупых комаров, которые пищали без толку.

— Эй вы, перестаньте пищать! — крикнул он. — Вот я сейчас пойду и прогоню медведя... Очень просто! А вы орёте только напрасно...

Ещё сильнее рассердился Комар Комарович и полетел. Действительно, в болоте лежал медведь. Забрался в самую густую траву, где комары жили с испокон века, развалился и носом сопит, только свист точно кто на трубе играет. Вот бессовестная тварь!.. Забрался в чужое место, погубил напрасно столько комариных душ да ещё спит так сладко!

— Эй дядя, ты это куда забрался? — закричал Комар Комарович на весь лес, да так громко, что даже самому сделалось страшно.

Мохнатый Миша открыл один глаз — никого не видно, открыл другой глаз — едва рассмотрел, что летает комар над самым его носом.

— Тебе что нужно, приятель? — заворчал Миша и тоже начал сердиться. Как же, только расположился отдохнуть, а тут какой-то негодяй пищит.

— Эй, уходи подобру-поздорову, дядя!..

Миша открыл оба глаза, посмотрел на нахала, фукнул носом и окончательно рассердился.

— Да что тебе нужно, негодная тварь? — зарычал он.

— Уходи из нашего места, а то я шутить не люблю... Вместе и с шубой тебя съем.

Медведю сделалось смешно. Перевалился он на другой бок, закрыл морду лапой и сейчас же захрапел.

II

Полетел Комар Комарович обратно к своим комарам и трубит на всё болото:

— Ловко я напугал мохнатого Мишку... В другой раз не придёт.

Подивились комары и спрашивают:

— Ну а сейчас-то медведь где?

— А не знаю, братцы... Сильно струсил, когда я ему сказал, что съем, если не уйдёт. Ведь я шутить не люблю, а так прямо и сказал: съем. Боюсь, как бы он не околел со страху, пока я к вам летаю... Что же, сам виноват!

Запищали все комары, зажужжали и долго спорили, как им быть с невежей-медведем. Никогда ещё в болоте не было такого страшного шума. Пищали, пищали, и решили — выгнать медведя из болота.

— Пусть идёт к себе домой, в лес, там и спит. А болото наше... Ещё отцы и деды наши вот в этом самом болоте жили.

Одна благоразумная старушка Комариха посоветовала было оставить медведя в покое: пусть его полежит, а когда выспится — сам уйдёт, но на неё все так накинулись, что бедная едва успела спрятаться.

— Идём, братцы! — кричал больше всех Комар Комарович. — Мы ему покажем... да!

Полетели комары за Комаром Комаровичем. Летят и пищат, даже самим страшно делается. Прилетели, смотрят, а медведь лежит и не шевелится.

— Ну, я так и говорил: умер, бедняга, со страху! — хвастался Комар Комарович. — Даже жаль немножко, вон какой здоровый медведище...

— Да он спит, братцы! — пропищал маленький комаришка, подлетевший к самому медвежьему носу и чуть не втянутый туда, как в форточку.

— Ах, бесстыдник! Ах, бессовестный! — запищали все комары разом и подняли ужасный гвалт. — Пятьсот комаров задавил, сто комаров проглотил и сам спит как ни в чём не бывало...

А мохнатый Миша спит себе да носом пошвыстывает.

— Он притворяется, что спит! — крикнул Комар Комарович и полетел на медведя. — Вот я ему сейчас покажу... Эй, дядя, будет притворяться!..

Как налетит Комар Комарович, как вопьётся своим длинным носом прямо в чёрный медвежий нос, Миша так и вскочил, — хватя лапой по носу, а Комара Комаровича как не бывало.

— Что, дядя, не понравилось? — пищит Комар Комарович. — Уходи, а то хуже будет... Я теперь не один, Комар Комарович — длинный нос, а прилетели со мной и дедушка, Комарище — длинное носище, и младший брат, Комаришко — длинный носишко! Уходи, дядя!

— А я не уйду! — закричал медведь, усаживаясь на задние лапы. — Я вас всех передавлю...

— Ой, дядя, напрасно хвастаешь...

Опять полетел Комар Комарович и впился медведю прямо в глаз. Заревел медведь от боли, хватил себя лапой по морде, и опять в лапе ничего, только чуть глаз себе не вырвал когтем. А Комар Комарович въётся над самым медвежьим ухом и пищит:

— Я тебя съем, дядя...

Ш

Рассердился окончательно Миша. Выворотил он вместе с корнем целую березу и принялся колотить ею комаров. Так и ломит со всего плеча... Бил, бил, даже устал, а ни одного убитого комара нет, — все вьются над ним и пищат. Тогда ухватил Миша тяжёлый камень и запустил им в комаров, — опять толку нет.

— Что, взял, дядя? — пищал Комар Комарович. — А я тебя всё-таки съем...

Долго ли, коротко ли сражался Миша с комарами, только шуму было много. Далеко был слышен медвежий рёв. А сколько он деревьев вырвал, сколько камней выворотил!.. Всё ему хотелось зацепить первого Комара Комаровича, — ведь вот тут, над самым ухом въётся, а хватит медведь лапой, и опять ничего, только всю морду себе в кровь исцарапал.

Обессилел наконец Миша. Присел он на задние лапы, фыркнул и придумал новую штуку, — давай кататься по траве, чтобы передавить всё комариное царство. Катался, катался Миша, однако и из этого ничего не вышло, а только ещё больше устал он. Тогда медведь спрятал морду в мох, — вышло того хуже. Комары вцепились в медвежий хвост. Окончательно рассвирепел медведь.

— Пойдите, вот я вам задам!.. — ревел он так, что за пять вёрст было слышно. — Я вам покажу штуку... я... я... я...

Отступили комары и ждут, что будет. А Миша на дерево вскарабкался, как акробат, засел на самый толстый сук и ревет:

— Ну-ка, подступитесь теперь ко мне... Всем носы пообломаю!..

Засмеялись комары тонкими голосами и бросились на медведя уже всем войском. Пищат, кружатся, лезут... Отбивался, отбивался Миша, проглотил нечаянно штук сто комариного войска, закашлялся, да как сорвётся с сука, точно мешок... Однако поднялся, почесал ушибленный бок и говорит:

— Ну, что взяли? Видели, как я ловко с дерева прыгаю?..

Ещё тоньше рассмеялись комары, а Комар Комарович так и трубит:

— Я тебя съем... я тебя съем... съем, съем!..

Изнемог окончательно медведь, выбился из сил, а уходить из болота стыдно. Сидит он на задних лапах и только глазами моргает.

Выручила его из беды лягушка. Выскочила из-под кочки, присела на задние лапки и говорит:

— Охота вам, Михайло Иваныч, беспокоить себя напрасно?.. Не обращайтесь вы на этих дрянных комаришек внимания. Не стоит.

— И то не стоит, — обрадовался медведь. — Я это так... Пусть-ка они ко мне в берлогу придут, да я... я...

Как повернется Миша, как побежит из болота, а Комар Комарович — длинный нос летит за ним, летит и кричит:

— Ой, братцы, держите! Убежит медведь... Держите!..

Собрались все комары, посоветовались и решили:

«Не стоит! Пусть его уходит, — ведь болото-то осталось за нами!».

Ванькины именины.

I

Бей, барабан: та-та! тра-та-та! Играйте, трубы: тру-ту! ту-ру-ру!.. Давайте сюда всю музыку, — сегодня Ванька именинник!.. Дорогие гости, милости просим... Эй, все собирайтесь сюда! Тра-та-та! Тру-ру-ру!

Ванька похаживает в красной рубахе и приговаривает:

— Братцы, милости просим... Угощенья, — сколько угодно. Суп из самых свежих щепок; котлеты из лучшего, самого чистого песку; пирожки из разноцветных бумажек; а какой чай! Из самой хорошей кипячёной воды. Милости просим... Музыка, играй!..

Та-та! Тра-та-та! Тру-ту! Ту-ру-ру!..

Гостей набралось полна комната. Первым прилетел пузастый деревянный Волчок.

— Жж... жж... где именинник? Жж... жж... Я очень люблю повеселиться в хорошей компании.

Пришли две куклы. Одна — с голубыми глазами, Аня, у неё немного был попорчен носик; другая — с чёрными глазами, Катя, у неё недоставало одной руки. Они пришли чинно и заняли место на игрушечном диванчике.

— Посмотрим, какое угощенье у Ваньки, — заметила Аня. — Что-то уж очень хвастает. Музыка недурна, а относительно угощения я сильно сомневаюсь.

— Ты, Аня, вечно чем-нибудь недовольна, — укорила её Катя.

— А ты вечно готова спорить...

Куклы немного поспорили и даже готовы были поссориться, но в этот момент приковылял на одной ноге сильно подержанный Клоун и сейчас же их примирил.

— Всё будет отлично, барышни! Отлично повеселимся. Конечно, у меня одной ноги недостаёт, но ведь Волчок и на одной ноге вон как кружится. Здравствуй, Волчок...

— Жж... Здравствуй. Отчего это у тебя один глаз как будто подбит?

— Пустяки... Это я свалился с дивана. Бывает и хуже.

— Ох, как скверно бывает... Я иногда со всего разбега так стукнусь в стену, прямо головой!..

— Хорошо, что голова-то у тебя пустая...

— Всё-таки больно... Жж... Попробуй-ка сам, так узнаешь.

Клоун только защёлкал своими медными тарелками. Он вообще был легкомысленный мужчина.

Пришел Петрушка и привёл с собой целую кучу гостей: собственную жену Матрёну Ивановну, немца доктора, Карла Иваныча, и большеносого Цыгана; а Цыган притащил с собой трёхногую лошадь.

— Ну, Ванька, принимай гостей! — весело заговорил Петрушка, щёлкая себя по носу. — Один другого лучше. Одна моя Матрёна Ивановна чего стоит... Очень она любит у меня чай пить, точно утка.

— Найдём и чай Петр Иваныч, — ответил Ванька. — А мы хорошим гостям всегда рады... Садитесь, Матрёна Ивановна! Карл Иваныч, милости просим...

Пришли ещё Медведь с Зайцем, серенький бабушкин Козлик с Уточкой-хохлаткой, Петушок с Волком, — всем место нашлось у Ваньки.

Последними пришли Алёнушкин Башмачок и Алёнушкина Метёлочка. Посмотрели они — все места заняты, а Метёлочка сказала:

— Ничего, я и в уголке постою...

А Башмачок ничего не сказал и молча залез под диван. Это был очень почтенный Башмачок, хотя и стоптанный. Его немного смущала только дырочка, которая была на самом носике. Ну, да ничего, под диваном никто не заметит.

— Эй, музыка! — скомандовал Ванька.

Забил барабан: тра-та! та-та! Заиграли трубы: тру-ту! И всем гостям вдруг сделалось так весело, так весело...

II

Праздник начался отлично. Бил барабан сам собой, играли сами трубы, жужжал Волчок, звенел своими тарелочками Клоун, а Петрушка неистово пищал. Ах, как было весело!..

— Братцы, гуляй! — покрикивал Ванька, разглаживая свои льняные кудри.

Аня и Катя смеялись тонкими голосками, неуклюжий Медведь танцевал с Метёлочкой, серенький Козлик гулял с Уточкой-хохлаткой, Клоун кувырчался, показывая своё искусство, а доктор Карл Иваныч спрашивал Матрёну Ивановну:

— Матрёна Ивановна, не болит ли у вас животик?

— Что вы, Карл Иваныч? — обижалась Матрёна Ивановна. — С чего вы это взяли?..

— А ну, покажите язык.

— Отстаньте, пожалуйста...

— Я здесь, — прозвенела тонким голоском серебряная Ложечка, которой Алёнушка ела свою кашку...

Она лежала до сих пор спокойно на столе, а когда доктор заговорил о языке, не утерпела и соскочила. Ведь доктор всегда при её помощи осматривает у Алёнушки язычок...

— Ах, нет... Не нужно, — запищала Матрёна Ивановна и так смешно размахивала руками, точно ветряная мельница.

— Что же, я не навязываюсь со своими услугами, — обиделась Ложечка.

Она даже хотела рассердиться, но в это время к ней подлетел Волчок, и они принялись танцевать. Волчок жужжал, Ложечка звенела... Даже Алёнушкин Башмачок не утерпел, вылез из-под дивана и шепнул Метёлочке:

— Я вас очень люблю, Метёлочка...

Метёлочка сладко закрыла глазки и только вздохнула. Она любила, чтобы её любили.

Ведь она всегда была такой скромной Метёлочкой и никогда не важничала, как это случалось иногда с другими. Например, Матрёна Ивановна или Аня и Катя, — эти милые куклы любили посмеяться над чужими недостатками: у Клоуна не хватало одной ноги, у Петрушки был длинный нос, у Карла Иваныча — лысина, Цыган походил на головёшку, а всего больше доставалось имениннику Ваньке.

— Он мужиковат немного, — говорила Катя.

— И, кроме того, хвостун, — прибавила Аня.

Повеселившись, все уселись за стол, и начался уже настоящий пир. Обед прошёл как на настоящих именинах, хотя дело и не обошлось без маленьких недоразумений. Медведь по ошибке чуть не съел Зайчика вместо котлетки; Волчок чуть не подрался с Цыганом из-за Ложечки, — последний хотел её украсть и уже спрятал было к себе в карман. Пётр Иваныч, известный забияка, успел поссориться с женой и поссорился из-за пустяков.

— Матрёна Ивановна, успокойтесь, — уговаривал её Карл Иваныч. — Ведь Пётр Иваныч добрый... У вас, может быть, болит головка? у меня есть с собой отличные порошки...

— Оставьте её, доктор, — говорил Петрушка. — Это уж такая невозможная женщина... А впрочем, я её очень люблю. Матрёна Ивановна, поцелуйте...

— Ура! — кричал Ванька. — Это гораздо лучше, чем ссориться. Терпеть не могу, когда люди ссорятся. Вон посмотрите...

Но тут случилось нечто совершенно неожиданное и такое ужасное, что даже страшно рассказывать.

Бил барабан: тра-та! та-та-та! Играли трубы: тру-ру! ру-ру-ру! Звенели тарелочки Клоуна, серебряным голоском смеялась Ложечка, жужжал Волчок, а развеселившийся Зайчик кричал: бо-бо-бо!.. Фарфоровая Собачка громко лаяла, резиновая Кошечка ласково мяукала, а Медведь так притопывал ногой, что дрожал пол. Веселее всех оказался серенький бабушкин Кюзлик. Он, во-первых, танцевал лучше всех, а потом так смешно потряхивал своей бородкой и скрипучим голосом ревел: мее-ке-ке!..

III

Позвольте, как всё это случилось? Очень трудно рассказать всё по порядку, потому что из участников происшествия помнил всё дело только один Алёнушкин Башмачок. Он был благоразумен и вовремя успел спрятаться под диван.

Да, так вот как было дело. Сначала пришли поздравить Ваньку деревянные Кубики... Нет, опять не так. Началось совсем не с этого. Кубики действительно пришли, но всему виной была черноглазая Катя. Она, она, — верно!.. Эта хорошенькая плутовка ещё в конце обеда шепнула Ане:

— А как ты думаешь, Аня, кто здесь всех красивее?

Кажется, вопрос самый простой, а между тем Матрёна Ивановна страшно обиделась и заявила Кате прямо:

— Что же вы думаете, что мой Пётр Иваныч урод?

— Никто этого не думает, Матрёна Ивановна, — попробовала оправдываться Катя, но было уже поздно.

— Конечно, нос у него немного велик, — продолжала Матрёна Ивановна. — Но ведь это заметно, если только смотреть на Петра Иваныча сбоку... Потом, у него дурная привычка страшно пищать и со всеми драться, но он всё-таки добрый человек. А что касается ума...

Куклы заспорили с таким азартом, что обратили на себя общее внимание. Вмешался прежде всего, конечно, Петрушка и пропищал:

— Верно, Матрёна Ивановна... Самый красивый человек здесь, конечно, я!

Тут уже все мужчины обиделись. Помилуйте, этакий самохвал этот Петрушка! Даже слушать противно. Клоун был не мастер говорить и обиделся молча, а зато доктор Карл Иваныч сказал очень громко:

— Значит, мы все уроды? Поздравляю, господа...

Разом поднялся гвалт. Кричал что-то по-своему Цыган, рычал Медведь, выл Волк, кричал sereneкий Козлик, жужжал Волчок, — одним словом, все обиделись окончательно.

— Господа, перестаньте! — уговаривал всех Ванька. — Не обращайтесь внимания на Петра Иваныча... Он просто пошутил.

Но всё было напрасно. Волновался главным образом Карл Иваныч. Он даже стучал кулаком по столу и кричал:

— Господа, хорошо угощенье, нечего сказать!.. Нас и в гости пригласили только за тем, чтобы назвать уродами...

— Милостивые государыни и милостивые государи! — старался перекричать всех Ванька. — Если уж на то пошло, господа, так здесь всего один урод — это я... Теперь вы довольны?

Потом... Позвольте, как это случилось? Да, да, вот как было дело. Карл Иваныч разгорячился окончательно и начал подступать к Петру Иванычу. Он погрозил ему пальцем и повторял:

— Если бы я не был образованным человеком и если бы я не умел себя держать прилично в порядочном обществе, я сказал бы вам, Пётр Иваныч, что вы даже весьма дурак...

Зная драчливый характер Петрушки, Ванька хотел встать между ним и доктором, но по дороге задел кулаком по длинному носу Петрушки. Петрушке показалось, что его ударил не Ванька, а доктор... Что тут началось!.. Петрушка вцепился в доктора; сидевший в стороне Цыган ни с того ни с сего начал колотить Клоуна, Медведь с рычанием бросился на Волка, Волчок бил своей пустой головой Козлика — одним словом, вышел настоящий скандал. Куклы пищали тонкими голосами и все три со страху упали в обморок.

— Ах, мне дурно... — кричала Матрёна Ивановна, падая с дивана.

— Господа, что же это такое?.. — орал Ванька. — Господа, ведь я именинник... Господа, это наконец невежливо!..

Произошла настоящая свалка, так что было даже трудно разобрать, кто кого колотит. Ванька напрасно старался разнимать дравшихся и кончил тем, что сам принялся колотить всех, кто подвёртывался ему под руку, и так как он был всех сильнее, то гостям пришлось плохо.

— Карраул!! Батюшки... ой, карраул! — орал сильнее всех Петрушка, стараясь ударить доктора побольнее... — Убили Петрушу до смерти... Карраул!..

От свалки ушёл один Башмачок, вовремя успевший спрятаться под диван. Он со страху даже глаза закрыл, а в это время за него спрятался Зайчик, тоже искавший спасения в бегстве.

— Ты это куда лезешь? — заворчал Башмачок.

— Молчи, а то ещё услышат, и обоим достанется, — уговаривал Зайчик, выглядывая косым глазом из дырочки в носке. — Ах, какой разбойник этот Петрушка!.. Всех колотит, и сам же орёт благим матом. Хорош гость, нечего сказать... А я едва убежал от Волка. Ах! Даже вспомнить страшно... А вон Уточка летит кверху ножками. Убили бедную...

— Ах, какой ты глупый, Зайчик: все куклы лежат в обмороке, ну и Уточка вместе с другими.

Дрались, долго дрались, пока Ванька не выгнал всех гостей, исключая кукол. Матрёне Ивановне давно уже надоело лежать в обмороке, она открыла один глаз и спросила:

— Господа, где я? Доктор, посмотрите, жива ли я?..

Ей никто не отвечал, и Матрёна Ивановна открыла другой глаз. В комнате было пусто, а Ванька стоял посередине и с удивлением оглядывался кругом. Очнулись Аня и Катя и тоже удивились.

— Здесь было что-то ужасное, — говорила Катя. — Хорош именинник, нечего сказать!

Куклы разом накинулись на Ваньку, который решительно не знал, что ему отвечать. И его кто-то бил, и он кого-то бил, а за что про что — неизвестно.

— Решительно не знаю, как всё это вышло, — говорил он, разводя руками. — Главное, что обидно: ведь я их всех люблю... решительно всех.

— А мы знаем как, — отозвались из-под дивана Башмачок и Зайчик. — Мы всё видели!..

— Да это вы виноваты! — накинулась на них Матрёна Ивановна. — Конечно, вы... Заварили кашу, а сами спрятались.

— Они!.. — закричали в один голос Аня и Катя.

— Ага, вон в чём дело! — обрадовался Ванька. — Убирайтесь вон, разбойники... Вы ходите по гостям только ссорить добрых людей.

Башмачок и Зайчик едва успели выскочить в окно.

— Вот я вас... — грозила им вслед кулаком Матрёна Ивановна. — Ах, какие бывают на свете дрянные люди! Вот и Уточка скажет то же самое.

— Да, да... — подтвердила Уточка. — Я своими глазами видела, как они спрятались под диван.

Уточка всегда и со всеми соглашалась.

— Нужно вернуть гостей... — продолжала Катя. — Мы ещё повеселимся...

Гости вернулись охотно. У кого был подбит глаз, кто прихрамывал; у Петрушки всего сильнее пострадал его длинный нос.

— Ах, разбойники! — повторяли все в один голос, браня Зайчика и Башмачок. — Кто бы мог подумать?..

— Ах, как я устал! Все руки отколотил, — жаловался Ванька. — Ну, да что поминать старое... Я не злопамятен. Эй музыка!..

Опять забил барабан: тра-та! та-та-та! Заиграли трубы: тру-ту! ру-ру-ру!.. А Петрушка неистово кричал:

— Ура, Ванька!..

Сказка про Воробья Воробеича, Ерша Ершовича и весёлого трубочиста Яшу

I

Воробей Воробеич и Ёрш Ершович жили в большой дружбе. Каждый день летом Воробей Воробеич прилетал к речке и кричал:

— Эй, брат, здравствуй!.. Как поживаешь?

— Ничего, живём помаленьку, — отвечал Ёрш Ершович. — Иди ко мне в гости. У меня, брат, хорошо в глубоких местах... Вода стоит тихо, всякой водяной травки сколько хочешь. Угощу тебя лягушачьей икрой, червячками, водяными козявками...

— Спасибо, брат! С удовольствием пошёл бы я к тебе в гости, да воды боюсь. Лучше уж ты прилетай ко мне в гости на крышу... Я тебя, брат, ягодами буду угощать, — у меня целый сад, а потом раздобудем и корочку хлебца, и овса, и сахару, и живого комарика. Ты ведь любишь сахар?

— А какой он?

— Белый такой...

— Как у нас гальки в реке?

— Ну вот. А возьмешь в рот — сладко. Твою гальку не съешь. Полетим сейчас на крышу?

— Нет, я не умею летать, да и задыхаюсь на воздухе. Вот лучше в воде поплаваем вместе. Я тебе всё покажу...

Воробей Воробеич пробовал заходить в воду, — по колена зайдёт, а дальше страшно делается. Так-то и утонуть можно! Напьётся Воробей Воробеич светлой речной водицы, а в жаркие дни покупается где-нибудь на мелком месте, почистит перышки и опять к себе на крышу. Вообще жили они дружно и любили поговорить о разных делах.

— Как это тебе не надоест в воде сидеть? — часто удивлялся Воробей Воробеич. — Мокро в воде, — ещё простудишься...

Ёрш Ершович удивлялся в свою очередь:

— Как тебе, брат, не надоест летать? Вон как жарко бывает на солнышке: как раз задохнёшься. А у меня всегда прохладно. Плавай себе сколько хочешь. Небось летом все ко мне в воду лезут купаться... А на крышу кто к тебе пойдёт?

— И ещё как ходят, брат!.. У меня есть большой приятель — трубочист Яша. Он постоянно в гости ко мне приходит... И весёлый такой трубочист, — всё песни поёт. Чистит трубы, а сам напевает. Да ещё присядет на самый конёк отдохнуть, достанет хлебца и закусывает, а я крошки подбираю. Душа в душу живём... Я ведь тоже люблю повеселиться.

У друзей и неприятности были почти одинаковые. Например, зима: как зяб бедный Воробей Воробеич! Ух, какие холодные дни бывали! Кажется, вся душа готова вымерзнуть. Наохлится Воробей

Воробей, подберёт под себя ноги, да и сидит. Одно только спасение — забраться куда-нибудь в трубу и немного погреться. Но и тут беда.

Раз Воробей Воробейч чуть-чуть не погиб благодаря своему лучшему другу-трубочисту. Пришёл трубочист да как спустит в трубу свою чугунную гирю с помелом, — чуть-чуть голову не проломил Воробью Воробейчу. Выскочил он из трубы весь в саже, хуже трубочиста, и сейчас браниться:

— Ты это что же, Яша, делаешь-то? Ведь так можно и до смерти убить...

— А я почём же знал, что ты в трубе сидишь?

— А будь вперёд осторожнее... Если бы я тебя чугунной гирей по голове стукнул, — разве это хорошо?

Ершу Ершовичу тоже по зимам приходилось не сладко. Он забирался куда-нибудь поглубже в омут и там дремал по целым дням. И темно, и холодно, и не хочется шевелиться. Изредка он подплывал к проруби, когда звал Воробей Воробейч. Подлетит к проруби воды напиться и крикнет:

— Эй Ёрш Ершович, — жив ли ты?

— Жив... — сонным голосом откликается Ёрш Ершович. — Только всё спать хочется. Вообще скверно... У нас все спят.

— И у нас тоже не лучше, брат! Что делать, приходится терпеть... Ух, какой злой ветер бывает... Тут, брат, не заснёшь... Я всё на одной ножке прыгаю, чтобы согреться. А люди смотрят и говорят: «Посмотрите, какой весёленький воробушек!» Ах, только бы дождаться тепла... Да ты уж опять, брат, спишь?..

А летом опять свои неприятности. Раз ястреб версты две гнался за Воробьём Воробейчем, и тот едва успел спрятаться в речной осоке.

— Ох, едва жив ушёл! — жаловался он Ершу Ершовичу, едва переводя дух. — Вот разбойник-то... Чуть-чуть не сцапал, а там бы — поминай как звали.

— Это вроде нашей щуки, — утешал Ёрш Ершович. — Я тоже недавно чуть-чуть не попал ей в пасть... Как бросится за мной, точно молния! А я выплыл с другими рыбками и думал, что в воде лежит полено, а как это полено бросится за мной... Для чего только эти щуки водятся? Удивляюсь и не могу понять...

— И я тоже... Знаешь, мне кажется, что ястреб когда-нибудь был щукой, а щука был ястребом. Одним словом, разбойники.

II

Да, так жили да поживали Воробей Воробейч и Ёрш Ершович, зябли по зимам, радовались летом; а весёлый трубочист Яша чистил свои трубы и попевал песенки. У каждого своё дело, свои радости и свои огорчения.

Однажды летом трубочист кончил свою работу и пошёл к речке смыть с себя сажу. Идёт да посвистывает, а тут слышит — страшный шум. Что такое случилось? А над рекой птицы так и выются: и утки, и гуси, и ласточки, и бекасы, и вороны, и голуби. Все шумят, орут, хохочут, — ничего не разберешь.

— Эй, вы, что случилось? — крикнул трубочист.

— А вот и случилось... — чиликнула бойкая синичка. — Так смешно, так смешно!.. Посмотри, что наш Воробей Воробейч делает... Совсем взбесился.

Синичка засмеялась тоненьким-тоненьким голоском, вильнула хвостиком и взвилась над рекой.

Когда трубочист подошёл к реке, Воробей Воробейч так и налетел на него. А сам страшный такой: клюв раскрыт, глаза горят, все пёрышки стоят дыбом.

— Эй, Воробей Воробейч, ты это что, брат, шумишь тут? — спросил трубочист.

— Нет, я ему покажу!.. — орал Воробей Воробейч, задыхаясь от ярости. — Он ещё не знает, каков я... Я ему покажу, проклятому Ершу Ершовичу! Он будет меня поминать, разбойник...

— Не слушай его! — крикнул трубочисту из воды Ёрш Ершович. — Всё-то он врёт...

— Я вру? — орал Воробей Воробейч. — А кто червяка нашёл? Я вру!.. Жирный такой червяк! Я его на берегу выкопал... Сколько трудился... Ну, схватил его и тащу домой, в своё гнездо. У меня семейство, — должен и корм носить... Только вспорхнул с червяком над рекой, а проклятый Ёрш Ершович, — чтоб его щука проглотила! — как крикнет: «Ястреб!» Я со страху крикнул, — червяк упал в воду, а Ёрш Ершович его и проглотил... Это называется врать?! И Ястреба никакого не было...

— Что же, я пошутил, — оправдывался Ёрш Ершович. — А червяк действительно был вкусный...

Около Ерша Ершовича собралась всякая рыба: плотва, караси, окуни, малявки, — слушают и смеются. Да, ловко пошутил Ёрш Ершович над старым приятелем! А ещё смешнее, как Воробей Воробеич вступил в драку с ним. Так и налетает, так и налетает, а взять ничего не может.

— Подавись ты моим червяком! — бранился Воробей Воробеич. — Я другого себе выкопаю... А обидно то, что Ёрш Ершович обманул меня и надо мной же ещё смеется. А я его ещё к себе на крышу звал... Хорош приятель, нечего сказать. Вот и трубочист Яша то же скажет... Мы с ним тоже дружно живём и даже вместе закусываем иногда: он ест — я крошки подбираю.

— Постойте, братцы, это самое дело нужно рассудить, — заявил трубочист. — Дайте только мне сначала умыться... Я разберу ваше дело по совести. А ты, Воробей Воробеич, пока немного успокойся...

— Моё дело правое, — что же мне беспокоиться! — орал Воробей Воробеич. — А только я покажу Ершу Ершовичу, как со мной шутки шутить...

Трубочист присел на бережок, положил рядом на камешек узелок со своим обедом, вымыл руки и лицо и проговорил:

— Ну, братцы, теперь будем суд судить... Ты, Ёрш Ершович, — рыба, а ты, Воробей Воробеич, — птица. Так я говорю?

— Так! так... — закричали все, и птицы, и рыбы.

— Будем говорить дальше. Рыба должна жить в воде, а птица — в воздухе... Так я говорю? Ну, вот... А червяк, например, живёт в земле. Хорошо. Теперь смотрите...

Трубочист развернул свой узелок, положил на камень кусок ржаного хлеба, из которого состоял весь его обед, и проговорил:

— Вот смотрите: что это такое? Это — хлеб. Я его заработал и я его съем; съем и водицей запью. Так? Значит, пообедаю и никого не обижу. Рыба и птица тоже хочет пообедать... У вас, значит, своя пища. Зачем же ссориться? Воробей Воробеич откопал червяка, значит, он его заработал и, значит, червяк — его...

— Позвольте, дяденька... — послышался в толпе птиц тоненький голосок.

Птицы раздвинулись и пустили вперёд Бекасика-песочника, который подошёл к самому трубочисту на своих тоненьких ножках.

— Дяденька, это неправда.

— Что неправда?

— Да червяка-то ведь я нашёл... Вон спросите уток, — они видели. Я его нашёл, а Воробей налетел и украл.

Трубочист смутился. Выходило совсем не то.

— Как же это так?.. — бормотал он, собираясь с мыслями. — Эй, Воробей Воробеич, ты это что же, в самом деле, обманываешь?

— Это не я вру, а Бекас врёт. Он сговорился вместе с утками...

— Что-то не тово, брат... гм... да! Конечно, червячок — пустяки; а только вот не хорошо красть. А кто украл, тот должен врать... Так я говорю? Да...

— Верно!.. Верно!.. — хором крикнули опять все. — А ты всё-таки рассуди Ерша Ершовича с Воробьём Воробеичем. Кто у них прав?.. Оба шумели, оба дрались и подняли всех на ноги.

— Кто прав? Ах вы, озорники, Ёрш Ершович и Воробей Воробеич!.. Право, озорники. Я обоих вас и накажу для примера... Ну, живо миритесь, сейчас же!

— Верно! — крикнули все хором. — Пусть помиряются...

— А Бекасика-песочника, который трудился, добывая червячка, я накормлю крошками, — решил трубочист. — Все и будут довольны...

— Отлично! — опять крикнули все.

Трубочист уж протянул руку за хлебом, а его и нет. Пока трубочист рассуждал, Воробей Воробеич успел его стащить.

— Ах, разбойник! Ах, плут! — возмутились все рыбы и все птицы.

И все бросились в погоню за воров. Краюшка была тяжела, и Воробей Воробеич не мог далеко улететь с ней. Его догнали как раз над рекой. Бросились на вора большие и малые птицы. Произошла настоящая свалка. Все так и рвут, только крошки летят в реку; а потом и краюшка полетела тоже в реку. Тут уж схватились за неё рыбы. Началась настоящая драка между рыбами и птицами. В крошки растерзали всю краюшку, и все крошки съели. Как есть ничего не осталось от краюшки. Когда краюшка

была съедена, все опомнились и всем сделалось совестно. Гнались за вором Воробьём да по пути краденую краюшку и съели.

А весёлый трубочист Яша сидит на берегу, смотрит и смеётся. Уж очень смешно всё вышло... Все убежали от него, остался один только Бекасик-песочник.

— А ты что же не летишь за всеми? — спрашивает трубочист.

— И я полетел бы, да ростом мал, дяденька. Как раз большие птицы заклюют...

— Ну, вот так-то лучше будет, Бекасик. Оба остались мы с тобой без обеда. Видно, мало ещё поработали...

Пришла Алёнушка на бережок, стала спрашивать весёлого трубочиста Яшу, что случилось, и тоже смеялась.

— Ах, какие они все глупые, и рыбки и птички. А я бы разделила всё — и червячка и краюшку, и никто бы не ссорился. Недавно я разделила четыре яблока... Папа приносит четыре яблока и говорит: «Раздели пополам — мне и Лизе». Я и разделила на три части: одно яблоко дала папе, другое — Лизе, а два взяла себе.

Сказка о том, как жила-была последняя Муха.

I

Как было весело летом... Ах, как весело! Трудно даже рассказать всё по порядку... Сколько было мух, — тысячи. Летают, жужжат, веселятся... Когда родилась маленькая Мушка, расправила свои крылышки, — ей сделалось тоже весело. Так весело, так весело, что и не расскажешь. Всего интереснее было то, что с утра открывали все окна и дверь на террасу, — в какое хочешь, в то окно и лети.

— Какое доброе существо человек! — удивлялась маленькая Мушка, летая из окна в окно. — Это для нас сделаны окна, и открывают их тоже для нас. Очень хорошо, а, главное — весело...

Она тысячу раз вылетала в сад, посидела на зелёной травке, полюбовалась цветущей сиренью, нежными листиками распускавшейся липы и цветами в клумбах. Незвестный ей до сих пор садовник уже успел вперёд позаботиться обо всём. Ах, какой он добрый этот садовник!.. Мушка ещё не родилась, а он уже всё успел приготовить, решительно всё, что нужно маленькой Мушке. Это было тем удивительнее, что сам он не умел летать и даже ходил иногда с большим трудом, — его так и покачивало, и садовник что-то бормотал совсем непонятное.

— И откуда только эти проклятые мухи берутся? — ворчал добрый садовник.

Вероятно, бедняга говорил это просто из зависти, потому что сам умел только копать гряды, рассаживать цветы и поливать их, а летать не мог. Молодая Мушка нарочно кружилась над красным носом садовника и страшно ему надоедала.

Потом, люди вообще так добры, что везде доставляли разные удовольствия именно мухам. Например, Алёнушка утром пила молочко, ела булочку и потом выпрашивала у тети Оли сахару, — всё это она делала только для того, чтобы оставить мухам несколько капелек пролитого молока, а главное — крошки булки и сахара. Ну, скажите, пожалуйста, что может быть вкуснее таких крошек, особенно когда летаешь всё утро и проголодаешься?.. Потом, кухарка Паша была еще добрее Алёнушки. Она каждое утро нарочно для мух ходила на рынок и приносила удивительно вкусные вещи: говядину, иногда рыбу, сливки, масло, — вообще самая добрая женщина во всем доме. Она отлично знала, что нужно мухам, хотя летать тоже не умела, как и садовник. Очень хорошая женщина вообще!..

А тетя Оля? О, эта чудная женщина, кажется, специально жила только для мух... Она своими руками открывала все окна каждое утро, чтобы мухам было удобнее летать, а когда шел дождь или было холодно, — закрывала их, чтобы мухи не замочили своих крылышек и не простудились. Потом тетя Оля заметила, что мухи очень любят сахар и ягоды; поэтому она принялась каждый день варить ягоды в сахаре. Мухи сейчас, конечно, догадались, для чего всё это делается, и лезли из чувства благодарности прямо в тазик с вареньем. Алёнушка тоже очень любила варенье, но тетя Оля давала ей всего одну или две ложечки, не желая обижать мух. Так как мухи зараз не могли съесть всего, то тетя Оля откладывала

часть варенья в стеклянные банки (чтобы не съели мыши, которым варенья совсем не полагается) и потом подавала его каждый день мухам, когда пила чай.

— Ах, какие все добрые и хорошие! — восхищалась молодая Мушка, летая из окна в окно. — Может быть, даже хорошо, что люди не умеют летать. Тогда бы они превратились в мух, больших и прожорливых мух, и, наверно, съели бы всё сами... Ах, как хорошо жить на свете!

— Ну, люди уж не совсем такие добряки, как ты думаешь, — заметила старая Муха, любившая поворчать. — Это только так кажется... Ты обратила внимание на человека, которого все называют «папой»?

— О, да... Это очень странный господин! Вы совершенно правы, хорошая, добрая, старая Муха... Для чего он курит свою трубку, когда отлично знает, что я совсем не выношу табачного дыма? Мне кажется, что это он делает прямо назло мне... Потом, решительно ничего не хочет сделать для мух. Я раз попробовала чернил, которыми он что-то такое вечно пишет, и чуть не умерла... Это наконец возмутительно! Я своими глазами видела, как в его чернильнице утонули две такие хорошенькие, но совершенно неопытные мушки. Это была ужасная картина, когда он пером вытащил одну из них и посадил на бумагу великолепную кляксу... Представьте себе, он в этом обвинял не себя, а нас же! Где справедливость?..

— Я думаю, что этот папа совсем лишён справедливости, хотя у него есть одно достоинство... — ответила старая опытная Муха, — он пьёт пиво после обеда. Это совсем недурная привычка!.. Я, признаться, тоже не прочь выпить пива, хотя у меня и кружится от него голова... Что делать, дурная привычка!

— И я тоже люблю пиво, — призналась молоденькая Мушка и даже немного покраснела. — Мне делается от него так весело, так весело, хотя на другой день немного и болит голова. Но папа, может быть, от того ничего не делает для мух, что сам не ест варенья, а сахар опускает только в стакан чаю. Поэтому, нельзя ждать ничего хорошего от человека, который не ест варенья... Ему остаётся только курить свою трубку.

Мухи вообще знали отлично всех людей, хотя и ценили их по-своему.

II

Лето стояло жаркое, и с каждым днём мух являлось всё больше и больше. Они падали в молоко, лезли в суп, в чернильницу, жужжали, вертелись и приставали ко всем. Но наша маленькая Мушка успела сделаться уже настоящей большой мухой и несколько раз чуть не погибла. В первый раз она увязла ножками в варенье, так что едва выползла; в другой раз, спросонья, налетела на зажжённую лампу и чуть не спалила себе крылышек; в третий раз чуть не попала между оконных створок, — вообще приключений было достаточно.

— Что это такое: житья от этих мух не стало!.. — жаловалась кухарка. — Точно сумасшедшие, так и лезут везде... Нужно их изводить.

Даже наша Муха начала находить, что мух развелось слишком много, особенно в кухне. По вечерам потолок покрывался точно живой, двигавшейся сеткой. А когда приносили провизию, мухи бросались на неё живой кучей, толкали друг друга и страшно ссорились. Лучшие куски доставались только самым бойким и сильным, а остальным доставались объедки. Паша была права.

Но тут случилось нечто ужасное. Раз утром Паша вместе с провизией принесла пачку очень вкусных бумажек, то есть они сделались вкусными, когда их разложили на тарелочки, обсыпали мелким сахаром и облили тёплой водой.

— Вот отличное угощение мухам! — говорила кухарка Паша, расставляя тарелочки на самых видных местах.

Мухи и без Паши догадались сами, что это делается для них, и весёлой гурьбой накинулись на новое кушанье. Наша Муха тоже бросилась к одной тарелочке, но её оттолкнули довольно грубо.

— Что вы толкаетесь, господа? — обиделась она. — А впрочем, я уж не такая жадная, чтобы отнимать что-нибудь у других. Это наконец невежливо...

Дальше произошло что-то невозможное. Самые жадные мухи поплатились первыми... Они сначала бродили, как пьяные, а потом и совсем сваливались. Наутро Паша намела целую большую тарелку мёртвых мух. Остались живыми только самые благоразумные, а в том числе и наша Муха.

— Не хотим бумажек! — пищали все. — Не хотим...

Но на следующий день повторилось то же самое. Из благоразумных мух остались целыми только самые благоразумные. Но Паша находила, что слишком много и таких, самых благоразумных.

— Житья от них нет... — жаловалась она.

Тогда господин, которого звали папой, принёс три стеклянных, очень красивых колпака, налил в них пива и поставил на тарелочки... Тут попались и самые благоразумные мухи. Оказалось, что эти колпаки просто мухоловки. Мухи летели на запах пива, попадали в колпак и там погибали, потому что не умели найти выхода.

— Вот теперь отлично!.. — одобряла Паша; она оказалась совершенно бессердечной женщиной и радовалась чужой беде.

Что же тут отличного, посудите сами? Если бы у людей были такие же крылья, как у мух, и если бы поставить мухоловки величиной с дом, то они попадались бы точно так же... Наша Муха, наученная горьким опытом даже самых благоразумных мух, перестала совсем верить людям. Они только кажутся добрыми, эти люди, а в сущности только тем и занимаются, что всю жизнь обманывают доверчивых, бедных мух. О, это самое хитрое и злое животное, если говорить правду!..

Мух сильно поубавилось от всех этих неприятностей, а тут новая беда. Оказалось, что лето прошло, начались дожди, подул холодный ветер, и вообще наступила неприятная погода.

— Неужели лето прошло? — удивлялись оставшиеся в живых мухи. — Позвольте, когда же оно успело пройти? Это наконец несправедливо... Не успели оглянуться, а тут осень.

Это было похуже отравленных бумажек и стеклянных мухоловок. От наступавшей скверной погоды можно было искать защиты только у своего злейшего врага, то есть господина человека. Увы! теперь уже окна не отворялись по целым дням, а только изредка — форточки. Даже само солнце — и то светило точно для того только, чтобы обманывать доверчивых комнатных мух. Как вам понравится, например, такая картина? Утро. Солнце так весело заглядывает во все окна, точно приглашает всех мух в сад. Можно подумать, что возвращается опять лето... И что же, — доверчивые мухи вылетают в форточку, но солнце только светит, а не греет. Они летят назад, — форточка закрыта. Много мух погибло таким образом в холодные осенние ночи только благодаря своей доверчивости.

— Нет, я не верю, — говорила наша Муха. — Ничему не верю... Если уж солнце обманывает, то кому же и чему можно верить?

Понятно, что с наступлением осени все мухи испытывали самое дурное настроение духа. Характер сразу испортился почти у всех. О прежних радостях не было и помину. Все сделались такими хмурыми, вялыми и недовольными. Некоторые дошли до того, что начали даже кусаться, чего раньше не было.

У нашей Мухи до того испортился характер, что она совершенно не узнавала самой себя. Раньше, например, она жалела других мух, когда те погибали, а сейчас думала только о себе. Ей было даже стыдно сказать вслух, что она думала: «Ну, и пусть погибают, — мне больше останется».

Во-первых, настоящих тёплых уголков, в которых может прожить зиму настоящая, порядочная муха, совсем не так много, а во-вторых, просто надоели другие мухи, которые везде лезли, выхватывали из-под носа самые лучшие куски и вообще вели себя довольно бесцеремонно. Пора и отдохнуть.

Эти другие мухи точно понимали эти злые мысли и умирали сотнями. Даже не умирали, а точно засыпали. С каждым днём их делалось всё меньше и меньше, так что совершенно было не нужно ни отравленных бумажек, ни стеклянных мухоловок. Но нашей Мухе и этого было мало: ей хотелось остаться совершенно одной. Подумайте, какая прелесть, — пять комнат, и всего одна муха!..

III

Наступил и такой счастливый день. Раз утром наша Муха проснулась довольно поздно. Она давно уже испытывала какую-то непонятную усталость и предпочитала сидеть неподвижно в своём уголке, под печкой. А тут она почувствовала, что случилось что-то необыкновенное. Стоило подлететь к окну как всё разъяснилось сразу. Выпал первый снег... Земля была покрыта ярко белевшей пеленой.

— А, так вот какая бывает зима! — сообразила она сразу. — Она совсем белая, как кусок хорошего сахара...

Потом Муха заметила, что все другие мухи исчезли окончательно. Бедняжки не перенесли первого холода и заснули, кому где случилось. Муха в другое время пожалела бы их, а теперь подумала:

— «Вот и отлично... Теперь я совсем одна... Никто не будет есть моего варенья, моего сахара, моих крошечек... Ах, как хорошо!..»

Она облетела все комнаты и ещё раз убедилась, что она совершенно одна. Теперь можно было делать решительно всё, что захочется. А как хорошо, что в комнатах так тепло! Зима — там на улице, а в комнатах и тепло, и светло, и уютно, особенно когда вечером зажигали лампы и свечи. С первой лампой, впрочем, вышла маленькая неприятность — Муха налетела было опять прямо на огонь и чуть не сгорела.

— Это, вероятно, зимняя ловушка для мух, — сообразила она, потирая обожжённые лапки. — Нет, меня не проведёте... О, я отлично всё понимаю!.. Вы хотите сжечь последнюю муху? А я этого совсем не желаю... Тоже вот и плита в кухне, — разве я не понимаю, что это тоже ловушка для мух?..

Последняя Муха была счастлива всего несколько дней, а потом вдруг ей сделалось скучно, так скучно, так скучно, что, кажется, и не рассказать. Конечно, ей было тепло, она была сыта, а потом, потом она стала скучать. Полетает, полетает, отдохнёт, опять полетает, — и опять ей делается скучнее прежнего.

— Ах, как мне скучно! — пищала она самым жалобным, тоненьким голосом, летая из комнаты в комнату. — Хоть бы одна была мушка ещё, самая скверная, а всё-таки мушка...

Как ни жаловалась последняя Муха на своё одиночество, — её решительно никто не хотел понимать. Конечно, это её злило ещё больше, и она приставала к людям, как сумасшедшая. Кому на нос сядет, кому на ухо, а то примется летать перед глазами взад и вперёд. Одним словом, настоящая сумасшедшая.

— Господи, как же вы не хотите понять, что я совершенно одна и что мне очень скучно? — пищала она каждому. — Вы даже и летать не умеете, а поэтому не знаете, что такое скука. Хоть бы кто-нибудь поиграл со мной... Да нет, куда вам! Что может быть неповоротливее и неуклюжее человека? Самая безобразная тварь, какую я когда-нибудь встречала...

Последняя Муха надоела и собаке, и кошке — решительно всем. Больше всего её огорчило, когда тётя Оля сказала:

— Ах, последняя муха... Пожалуйста, не трогайте её. Пусть живёт всю зиму.

Что же это такое? Это уж прямое оскорбление. Её, кажется, и за муху перестали считать. «Пусть поживёт», — скажите, какое сделали одолжение! А если мне скучно! А если я, может быть, и жить совсем не хочу? Вот не хочу, — и всё тут.

Последняя Муха до того рассердилась на всех, что даже самой сделалось страшно. Летает, жужжит, пищит... Сидевший в углу Паук наконец сжалился над ней и сказал:

— Милая Муха, идите ко мне... Какая красивая у меня паутина!

— Покорно благодарю... Вот ещё нашёлся приятель! Знаю я, что такое твоя красивая паутина. Наверно, ты когда-нибудь был человеком, а теперь только притворяешься пауком.

— Как знаете, я вам же добра желаю.

— Ах, какой противный! Это называется — желать добра: съесть последнюю Муху!..

Они сильно повздорили, и всё-таки было скучно, так скучно, так скучно, что и не расскажешь. Муха озлобилась решительно на всех, устала и громко заявила:

— Если так, если вы не хотите понять, как мне скучно, так я буду сидеть в углу целую зиму... Вот вам!.. Да, буду сидеть и не выйду ни за что...

Она даже всплакнула с горя, припоминая минувшее летнее веселье. Сколько было весёлых мух; а она ещё желала остаться совершенно одной. Это была роковая ошибка...

Зима тянулась без конца, и последняя Муха начала думать, что лета больше уже не будет совсем. Ей хотелось умереть, и она плакала потихоньку. Это, наверно, люди придумали зиму, потому что они придумывают решительно всё, что вредно мухам. А может быть, это тётя Оля спрятала куда-нибудь лето, как прячет сахар и варенье?..

Последняя Муха готова была совсем умереть с отчаяния, как случилось нечто совершенно особенное. Она, по обыкновению, сидела в своём уголке и сердилась, как вдруг слышит: жж-жж!.. Сначала она не поверила собственным ушам, а подумала, что её кто-нибудь обманывает. А потом... Боже, что это было!.. Мимо неё пролетела настоящая живая мушка, ещё совсем молоденькая. Она только что успела родиться и радовалась.

— Весна начинается... весна, — жужжала она.

Как они обрадовались друг другу! Обнимались, целовались и даже облизывали одна другую хоботками. Старая Муха несколько дней рассказывала, как скверно провела всю зиму и как ей было скучно одной. Молоденькая Мушка только смеялась тоненьким голоском и никак не могла понять, как это бывает скучно.

— Весна, весна!.. — повторяла она.

Когда тётя Оля велела выставить все зимние рамы и Алёнушка выглянула в первое открытое окно, последняя Муха сразу всё поняла.

— Теперь я знаю всё, — жужжала она, вылетая в окно, — лето делаем мы, мухи...

Сказка про Воронушку — чёрную головушку и жёлтую птичку Канарейку.

Сидит Ворона на берёзе и хлопает носом по сучку: хлоп-хлоп. Вычистила нос, оглянулась кругом, да как каркнет:

— Карр... карр!..

Дремавший на заборе кот Васька чуть не свалился со страху и начал ворчать:

— Эх тебя взяло, чёрная голова... Даст же бог такое горлышко!.. Чему обрадовалась-то?

— Отстань... Некогда мне, разве не видишь? Ах, как некогда... Карр-карр-карр!.. И всё-то дела да дела.

— Умаялась, бедная, — засмеялся Васька.

— Молчи, лежебока... Ты вот все бока пролежал, только и знаешь, что на солнышке греться, а я-то с утра покоя не знаю: на десяти крышах посидела, полгорода облетела, все уголки и закоулки осмотрела. А ещё вот надо на колокольню слетать, на рынке побывать, в огородах покопать... Да что я с тобой даром время теряю, — некогда мне. Ах, как некогда!..

Хлопнула Ворона в последний раз носом по сучку, встрепенулась и только что хотела вспорхнуть, как услышала страшный крик. Неслась стая воробьёв, а впереди летела какая-то маленькая жёлтенькая птичка.

— Братцы, держите её... ой держите! — пищали воробьи.

— Что такое? Куда? — крикнула Ворона, бросаясь за воробьями.

Взмахнула Ворона крыльями раз десяток и догнала воробьиною стаю. Жёлтенькая птичка выбилась из последних сил и бросилась в маленький садик, где росли кусты сирени, смородины и черёмухи. Она хотела спрятаться от гнавших за ней воробьёв. Забилась жёлтенькая птичка под куст, а Ворона — тут как тут.

— Ты кто такая будешь? — каркнула она.

Воробьи так и обсыпали куст, точно кто бросил горсть гороху.

Они озлились на жёлтенькую птичку и хотели её заклевать.

— За что вы её обижаете? — спрашивала Ворона.

— А зачем она жёлтая... — запищали разом все воробьи.

Ворона посмотрела на жёлтенькую птичку: действительно, вся жёлтая, — мотнула головой и проговорила:

— Ах, вы, озорники... Ведь, это совсем не птица!.. Разве такие птицы бывают?.. А впрочем, убирайтесь-ка... Мне надо поговорить с этим чудом. Она только притворяется птицей...

Воробьи запищали, затрещали, озлились ещё больше, а делать нечего, — надо убираться. Разговоры с Вороной коротки: так хватит носищем, что и дух вон.

Разогнав воробьёв, Ворона начала допытывать жёлтенькую птичку, которая тяжело дышала и так жалобно смотрела своими чёрными глазками.

— Кто ты такая будешь? — спрашивала Ворона.

— Я — Канарейка...

— Смотри, не обманывай, а то плохо будет. Кабы не я, так воробьи заклевали бы тебя...

— Право, я — Канарейка...

— Откуда ты взялась?

— А я жила в клетке... в клетке и родилась, и выросла, и жила. Мне всё хотелось полетать, как другие птицы. Клетка стояла на окне, и я всё смотрела на других птичек... Так им весело было, а в клетке так тесно. Ну, девочка Алёнушка принесла чашечку с водой, отворила дверку, а я и вырвалась. Летала, летала по комнате, а потом в форточку и вылетела.

— Что же ты делала в клетке?

— Я хорошо пою...

— Ну-ка, спой.

Канарейка спела. Ворона наклонила голову набок и удивилась.

— Ты это называешь пением? Ха-ха... Глупые же были твои хозяева, если кормили за такое пение. Если бы уж кого кормить, так настоящую птицу, как, например, меня... Давеча каркнула, — так плут Васька чуть с забора не свалился. Вот это пение!..

— Я знаю Ваську... Самый страшный зверь. Он сколько раз подбирался к нашей клетке. Глаза зелёные, так и горят... выпустит когти...

— Ну, кому страшен, а кому и нет... Плут он большой, — это верно, а страшного ничего нет. Ну, да об этом поговорим потом... А мне всё-таки не верится, что ты настоящая птица...

— Право, тётенька, я — птица, совсем птица. Все канарейки — птицы...

— Хорошо, хорошо, увидим... А вот как ты жить будешь?

— Мне немного нужно: несколько зёрнышек, сахару кусочек, сухарик, — вот и сыта.

— Ишь, какая барыня... Ну, без сахару ещё обойдёшься, а зёрнышек как-нибудь добудешь. Вообще ты мне нравишься. Хочешь жить вместе? У меня на берёзе — отличное гнездо...

— Благодарю. Только вот воробьи...

— Будешь со мной жить, так никто не посмеет пальцем тронуть. Не то что воробьи, а и плут Васька знает хорошо мой характер. Я не люблю шутить...

Канарейка сразу ободрилась и полетела вместе с Вороной. Что же, гнездо отличное, если бы ещё сухарик да сахару кусочек...

Стали Ворона с Канарейкой жить да поживать в одном гнезде. Ворона хоть и любила иногда поворчать, но была птица не злая. Главным недостатком в её характере было то, что она всем завидовала, а себя считала обиженной.

— Ну, чем лучше меня глупые куры? А их кормят, за ними ухаживают, их берегут, — жаловалась она Канарейке. — Тоже вот взять голубей... Какой от них толк, а нет-нет, и бросят им горсточку овса. Тоже глупая птица... А чуть я подлечу — меня сейчас все и начинают гнать в три шеи. Разве это

справедливо? Да ещё бранят вдогонку: «Эх ты, ворона!» А ты заметила, что я получше других буду, да и покрасивее?.. Положим, про себя этого не приходится говорить, а заставляют сами. Не правда ли?

Канарейка соглашалась со всем.

— Да, ты большая птица...

— Вот то-то и есть. Держат же попугаев в клетках, ухаживают за ними, а чем попугай лучше меня?.. Так, самая глупая птица. Только и знает, что орать да бормотать, а никто понять не может, о чём бормочет. Не правда ли?

— Да, у нас тоже был попугай и страшно всем надоедал.

— Да мало ли других таких птиц наберётся, которые и живут неизвестно зачем!.. Скворцы, например, прилетят, как сумасшедшие, неизвестно откуда, проживут лето и опять улетят. Ласточки тоже, синицы, соловьи, — мало ли такой дряни наберётся. Ни одной вообще серьёзной, настоящей птицы... Чуть холодком пахнёт, — все и давай удирать, куда глаза глядят.

В сущности, Ворона и Канарейка не понимали друг друга. Канарейка не понимала этой жизни на воле, а Ворона не понимала жизни в неволе.

— Неужели вам, тётенька, никто зёрнышка никогда не бросил? — удивлялась Канарейка. — Ну, одного зёрнышка?..

— Какая ты глупая... Какие тут зёрнышки? Только и смотри, как бы палкой кто не убил или камнем. Люди очень злы...

С последним Канарейка никак не могла согласиться, потому что её люди кормили. Может быть, это Вороне так кажется... Впрочем, Канарейке скоро пришлось самой убедиться в людской злости. Раз она сидела на заборе, как вдруг над самой головой просвистел тяжёлый камень. Шли по улице школьники, увидели на заборе Ворону, — как же не запустить в неё камнем?

— Ну что, теперь видела? — спрашивала Ворона, забравшись на крышу. — Вот все они такие, то есть люди.

— Может быть, вы чем-нибудь досадили им, тётенька?

— Решительно ничем... Просто так злятся. Они меня все ненавидят...

Канарейке сделалось жаль бедную Ворону, которую никто, никто не любил. Ведь так и жить нельзя...

Врагов вообще было достаточно. Например, кот Васька... Какими масляными глазами он поглядывал на всех птичек, притворялся спящим, и Канарейка видела собственными глазами, как он схватил маленького, неопытного воробышка, — только косточки захрустели и пёрышки полетели... Ух, страшно... Потом ястреба — тоже хороши: плавают в воздухе, а потом камнем и падёт на какую-нибудь неосторожную птичку. Канарейка тоже видела, как ястреб тащил цыплёнка. Впрочем, Ворона не боялась ни кошек, ни ястребов и даже сама была не прочь полакомиться маленькой птичкой. Сначала Канарейка этому не верила, пока не убедилась собственными глазами. Раз она увидела, как воробьи целой стаей гнались за Вороной. Летят, пищат, трещат... Канарейка страшно испугалась и спряталась в гнезде.

— Отдай, отдай! — неистово пищали воробьи, летая над вороньим гнездом. — Что же это такое? Это разбой!..

Ворона шмыгнула в своё гнездо, и Канарейка с ужасом увидела, что она принесла в когтях мёртвого, окровавленного воробышка.

— Тётенька, что вы делаете?

— Молчи... — прошипела Ворона.

У неё глаза были страшные — так и светятся... Канарейка закрыла глаза от страха, чтобы не видеть, как Ворона будет рвать несчастного воробышка.

«Ведь, так она и меня когда-нибудь съест», — думала Канарейка.

Но Ворона, закусив, делалась каждый раз добрее. Вычистит нос, усядется поудобнее куда-нибудь на сук и сладко дремлет. Вообще, как заметила Канарейка, тётенька была страшно прожорлива и не

брезговала ничем. То корочку хлеба тащит, то кусочек гнилого мяса, то какие-то объедки, которые разыскивала в помойных ямах. Последнее было любимым занятием Вороны, и Канарейка никак не могла понять, что за удовольствие копать в помойной яме. Впрочем, и обвинять Ворону было трудно: она съедала каждый день столько, сколько не съели бы двадцать канареек. И вся забота у Вороны была только о еде... Усядется куда-нибудь на крышу и высматривает.

Когда Вороне было лень самой отыскивать пищу, она пускалась на хитрости. Увидит, что воробьи что-нибудь теребят, сейчас и бросится. Будто летит мимо, а сама орёт во всё горло.

— Ах, некогда мне... совсем некогда!..

Подлетит, сцапает добычу и была такова.

— Ведь, это нехорошо, тётенька, отнимать у других, — заметила однажды возмущённая Канарейка.

— Нехорошо? А если я постоянно есть хочу?..

— И другие тоже хотят...

— Ну, другие сами о себе позаботятся. Это ведь вас, неженок, по клеткам всем кормят, а мы всё сами должны добывать себе. Да и так, много ли тебе или воробью нужно?.. Поклевала и сыта на целый день.

Лето промелькнуло незаметно. Солнце сделалось точно холоднее, а день короче. Начались дожди, подул холодный ветер. Канарейка почувствовала себя самой несчастной птицей, особенно когда шёл дождь. А Ворона точно ничего не замечает.

— Что ж из того, что идёт дождь? — удивлялась она. — Идёт-идёт, и перестанет.

— Да ведь холодно, тётенька! Ах, как холодно!..

Особенно скверно бывало по ночам. Мокрая Канарейка вся дрожала. А Ворона ещё сердится.

— Вот неженка!.. То ли ещё будет, когда ударит холод и пойдёт снег.

Вороне делалось даже обидно. Какая же это птица, если и дождя, и ветра, и холода боится? Ведь так и жить нельзя на белом свете. Она опять стала сомневаться, что уж птица ли эта Канарейка. Наверно, только притворяется птицей...

— Право, я самая настоящая птица, тётенька! — уверяла Канарейка со слезами на глазах. — Только мне бывает холодно...

— То-то, смотри! А мне всё кажется, что ты только притворяешься птицей...

— Нет, право, не притворяюсь.

Иногда Канарейка крепко задумывалась о своей судьбе. Пожалуй, лучше было бы оставаться в клетке... Там и тепло и сытно. Она даже несколько раз подлетала к тому окну, на котором стояла родная клетка. Там уже сидели две новых канарейки и завидовали ей.

— Ах, как холодно... — жалобно пищала зябнувшая Канарейка. — Пустите меня домой.

Раз утром, когда Канарейка выглянула из вороньего гнезда, её поразила унылая картина: земля за ночь покрылась первым снегом, точно саваном. Всё было кругом бело. А главное — снег покрыл все те зёрнышки, которыми питалась Канарейка. Оставалась рябина, но она не могла есть эту кислую ягоду. Ворона — та сидит, клюёт рябину да похваливает:

— Ах, хороша ягода!..

Поголодав дня два, Канарейка пришла в отчаяние. Что же дальше-то будет?.. Этак можно и с голоду помереть...

Сидит Канарейка и горюет. А тут видит, — прибежали в сад те самые школьники, которые бросали в Ворону камнем, разостлали на земле сетку, посыпали вкусного льняного семени и убежали.

— Да они совсем не злые, эти мальчики! — обрадовалась Канарейка, приглядывая раскинутую сеть. — Тётенька, мальчики мне корму принесли.

— Хорош корм, нечего сказать! — заворчала Ворона. — Ты и не думай туда совать нос... Слышишь? Как только начнёшь клевать зёрнышки, так и попадёшь в сетку.

— А потом что будет?

— А потом опять в клетку посадят...

Взяло раздумье Канарейку: и поест хочется, и в клетку не хочется. Конечно, и холодно и голодно, а всё-таки на воле жить куда лучше, особенно когда не идёт дождь.

Несколько дней крепилась Канарейка, но — голод не тётка, — соблазнилась она приманкой и попала в сетку.

— Батюшки, караул!.. — жалобно пицала она. — Никогда больше не буду... Лучше с голоду умереть, чем опять попасть в клетку.

Канарейке теперь казалось, что нет ничего лучше на свете, как воронье гнездо. Ну, да, конечно, бывало и холодно и голодно, а всё-таки — полная воля. Куда захотела, туда и полетела... Она даже заплакала. Вот придут мальчики и посадят её опять в клетку. На её счастье, летела мимо Ворона и увидела, что дело плохо.

— Ах ты, глупая!.. — ворчала она. — Ведь я тебе говорила, что не трогай приманки.

— Тётенька, не буду больше...

Ворона прилетела вовремя. Мальчишки уже бежали, чтобы захватить добычу, но Ворона успела разорвать тонкую сетку, и Канарейка очутилась опять на свободе. Мальчишки долго гонялись за проклятой Вороной, бросали в неё палками и камнями и бранили.

— Ах, как хорошо! — радовалась Канарейка, очутившись опять в своём гнезде.

— То-то, хорошо. Смотри у меня... — ворчала Ворона.

Зажила опять Канарейка в вороньем гнезде и больше не жаловалась ни на холод, ни на голод. Раз Ворона улетела на добычу, заночевала в поле, а вернулась домой, — лежит Канарейка в гнезде ножками вверх.

Сделала Ворона голову набок, посмотрела и сказала:

— Ну, ведь говорила я, что это не птица!..

Умнее всех.

Индюк проснулся, по обыкновению, раньше других, когда ещё было темно, разбудил жену и проговорил:

— Ведь я умнее всех? Да?

Индюшка спросонья долго кашляла и потом уж ответила:

— Ах, какой умный... Кхе-кхе... Кто же этого не знает? Кхе...

— Нет, ты говори прямо: умнее всех? Просто умных птиц достаточно, а умнее всех — одна, это я.

— Умнее всех... кхе! Всех умнее... Кхе-кхе-кхе!..

— То-то.

Индюк даже немного рассердился и прибавил таким тоном, чтобы слышали другие птицы:

— Знаешь, мне кажется, что меня мало уважают. Да, совсем мало.

— Нет, это тебе так кажется... Кхе-кхе! — успокаивала его Индюшка, начиная поправлять сбившиеся за ночь пёрышки. — Да, просто кажется... Птицы умнее тебя и не придумать. Кхе-кхе-кхе!

— А Гусак? О, я всё понимаю... Положим, он прямо ничего не говорит, а больше всё молчит. Но я чувствую, что он молча меня не уважает...

— А ты не обращай на него внимания. Не стоит... кхе! Ведь, ты заметил, что Гусак глуповат?

— Кто же этого не видит? У него на лице написано: глупый гусак, и больше ничего. Да... Но Гусак ещё ничего, — разве можно сердиться на глупую птицу? А вот Петух, простой самый петух... Что он кричал про меня третьего дня? И ещё как кричал, — все соседи слышали. Он, кажется, называл меня даже очень глупым... Что-то в этом роде вообще.

— Ах, какой ты странный! — удивлялась Индюшка. — Разве ты не знаешь, отчего он вообще кричит?

— Ну, отчего?

— Кхе-кхе-кхе... Очень просто, и всем известно. Ты — петух, и он — петух, только он совсем-совсем простой петух, самый обыкновенный петух, а ты — настоящий индейский, заморский петух, — вот он и кричит от зависти. Каждой птице хочется быть индейским петухом... Кхе-кхе-кхе!..

— Ну, это трудненько, матушка... Ха-ха! Ишь, чего захотели... Какой-нибудь простой петушишка — и вдруг хочет сделаться индейским, — нет, брат, шалишь!.. Никогда ему не бывать индейским...

Индюшка была такая скромная и добрая птица и постоянно огорчалась, что Индюк вечно с кем-нибудь ссорился. Вот и сегодня, — не успел проснуться, а уж придумывает, с кем бы затеять ссору или даже и драку. Вообще самая беспокойная птица, хотя и не злая. Индюшке делалось немного обидно, когда другие птицы начинали подсмеиваться над Индюком и называли его болтуном, пустомелей и ломакой. Положим, отчасти они были и правы, но найдите птицу без недостатков? Вот то-то и есть! Таких птиц не бывает, и даже как-то приятнее, когда отыщешь в другой птице хотя самый маленький недостаток.

Проснувшиеся птицы высыпали из курятника на двор, и сразу поднялся отчаянный гвалт. Особенно шумели куры. Они бегали по двору, лезли к кухонному окну и неистово кричали:

— Ах-куда! Ах-куда-куда-куда... Мы есть хотим! Кухарка Матрёна, должно быть, умерла и хочет уморить нас с голоду...

— Господа, имейте терпение, — заметил стоявший на одной ноге Гусак. — Смотрите на меня: я ведь тоже есть хочу, а не кричу, как вы. Если бы я заорал во всю глотку... вот так... Го-го!.. Или так: и-го-го-го!!

Гусак так отчаянно загоготал, что кухарка Матрёна сразу проснулась.

— Хорошо ему говорить о терпении, — ворчала одна Утка, — вон какое горло, точно труба. А потом, если бы у меня были такая длинная шея и такой крепкий клюв, то и я тоже проповедовала бы терпение. Сама бы наелась скорее всех, а другим советовала бы терпеть... Знаем мы это гусиное терпение...

Утку поддержал Петух и крикнул:

— Да, хорошо Гусаку говорить о терпении... А кто у меня вчера два лучших пера вытащил из хвоста? Это даже неблагородно, — хватать прямо за хвост. Положим, мы немножко поссорились, и я хотел Гусаку проклевывать голову, — не отпираюсь, было такое намерение, — но виноват я, а не мой хвост. Так я говорю, господа?

Голодные птицы, как голодные люди, делались несправедливыми именно потому, что были голодны.

II

Индюк из гордости никогда не бросался вместе с другими на корм, а терпеливо ждал, когда Матрёна отгонит другую жадную птицу и позовет его. Так было и сейчас. Индюк гулял в стороне, около забора, и делал вид, что ищет что-то среди разного сора.

— Кхе-кхе... ах, как мне хочется кушать! — жаловалась Индюшка, вышагивая за мужем. — Вот уже Матрёна бросила овса... да... и, кажется, остатки вчерашней каши... кхе-кхе! Ах, как я люблю кашу!.. Я, кажется, всегда бы ела одну кашу, целую жизнь. Я даже иногда вижу её ночью во сне...

Индюшка любила пожаловаться, когда была голодна, и требовала, чтобы Индюк непременно её жалел. Среди других птиц она походила на старушку: вечно горбилась, кашляла, ходила какой-то разбитой походкой, точно ноги приделаны были к ней только вчера.

— Да, хорошо и каши поесть, — соглашался с ней Индюк. — Но умная птица никогда не бросается на пищу. Так я говорю? Если меня хозяин не будет кормить, — я умру с голода... так? А где же он найдёт другого такого индюка?

— Другого такого нигде нет...

— Вот то-то... А каша, в сущности, пустяки. Да... Дело не в каше, а в Матрёне. Так я говорю? Была бы Матрёна, а каша будет. Всё на свете зависит от одной Матрёны — и овёс, и каша, и крупа, и корочки хлеба.

Несмотря на все эти рассуждения, Индюк начинал испытывать муки голода. Потом ему сделалось совсем грустно, когда все другие птицы наелись, а Матрёна не выходила, чтобы позвать его. А если она позабыла о нём? Ведь это и совсем скверная штука...

Но тут случилось нечто такое, что заставило Индюка позабыть даже о собственном голоде. Началось с того, что одна молоденькая курочка, гулявшая около сарая, вдруг крикнула:

— Ах-куда!..

Все другие курицы сейчас же подхватили и заорали благим матом: «Ах-куда! куда-куда»... А всех сильнее, конечно, заорал Петух:

— Карраул!.. Кто там?

Сбежавшиеся на крик птицы увидели совсем необыкновенную штуку. У самого сарая в ямке лежало что-то серое, круглое, покрытое сплошь острыми иглами.

— Да это простой камень, — заметил кто-то.

— Он шевелился, — объяснила Курочка. — Я тоже думала, что камень, подошла, а он как пошевелится... Право! Мне показалось, что у него есть глаза, а у камней глаз не бывает.

— Мало ли что может показаться со страху глупой курице, — заметил Индюк. — Может быть, это... это...

— Да это гриб! — крикнул Гусак. — Я видал точно такие грибы, только без игол.

Все громко рассмеялись над Гусаком.

— Скорее это походит на шапку, — попробовал кто-то догадаться и тоже был осмеян.

— Разве у шапки бывают глаза, господа?

— Тут нечего разговаривать попусту, а нужно действовать, — решил за всех Петух. — Эй, ты, штука в иголках, сказывайся, что за зверь? Я, ведь, шутить не люблю... слышишь?

Так как ответа не было, то Петух счёл себя оскорблённым и бросился на неизвестного обидчика. Он попробовал клюнуть раза два и сконфуженно отошёл в сторону.

— Это... это громадная репейная шишка, и больше ничего, — объяснил он. — Вкусного ничего нет... Не желает ли кто-нибудь попробовать?

Все болтали, кому что приходило в голову. Догадкам и предположениям не было конца. Молчал один Индюк. Что же, пусть болтают другие, а он послушает чужие глупости. Птицы долго галдели кричали и спорили, пока кто-то не крикнул:

— Господа, что же это мы напрасно ломаем себе голову, когда у нас есть Индюк? Он всё знает...

— Конечно, знаю, — отозвался Индюк, распуская хвост и надувая свою красную кишку на носу.

— А если знаешь, так скажи нам.

— А если я не хочу? Так, просто не хочу.

Все принялись упрашивать Индюка.

— Ведь ты у нас самая умная птица, Индюк! Ну, скажи, голубчик... Чего тебе стоит сказать?

Индюк долго ломался и наконец проговорил:

— Ну, хорошо, я, пожалуй, скажу... да, скажу. Только сначала вы скажите мне, за кого вы меня считаете?

— Кто же не знает, что ты самая умная птица!.. — ответили все хором. — Так и говорят: умён, как индюк.

— Значит, вы меня уважаете?

— Уважаем! Все уважаем!..

Индюк ещё немного поломался, потом весь распушился, надул кишку, обошёл мудрёного зверя три раза кругом и проговорил:

— Это... да... Хотите знать, что это?

— Хотим!.. Пожалуйста, не томи, а скажи скорее.

— Это — кто-то куда-то ползёт...

Все только хотели рассмеяться, как послышалось хихиканье, и тоненький голосок сказал:

— Вот так самая умная птица!.. хи-хи...

Из-под игол показалась чёрненькая мордочка с двумя чёрными глазками, понюхала воздух и проговорила:

— Здравствуйте, господа... Да как же вы это Ежа-то не узнали, Ежа серячка-мужичка?.. Ах, какой у вас смешной Индюк, извините меня, какой он... как это вежливее сказать?.. Ну, глупый индюк...

III

Всем сделалось даже страшно после такого оскорбления, какое нанёс Ёж Индюку. Конечно, Индюк сказал глупость, это верно, но из этого ещё не следует, что Ёж имеет право его оскорблять. Наконец, это просто невежливо: прийти в чужой дом и оскорбить хозяина. Как хотите, а Индюк всё-таки важная, представительная птица и уже не чета какому-нибудь несчастному Ежу.

Все как-то разом перешли на сторону Индюка, и поднялся страшный гвалт.

— Вероятно, Ёж и нас всех тоже считает глупыми! — кричал Петух, хлопая крыльями.

— Он нас всех оскорбил...

— Если кто глуп, так это он, то есть Ёж, — заявлял Гусак, вытягивая шею. — Я это сразу заметил... да!..

— Разве грибы могут быть глупыми? — отвечал Ёж.

— Господа, что мы с ним напрасно разговариваем, — кричал Петух. — Всё равно, он ничего не поймёт... Мне кажется, мы только напрасно теряем время. Да... Если, например, вы, Гусак, ухватите его за щетину вашим крепким клювом с одной стороны, а мы с Индюком уцепимся в его щетину с другой, — сейчас будет видно, кто умнее. Ведь ума не скроешь под глупой щетиной...

— Что же, я согласен... — заявил Гусак. — Ещё будет лучше, если я вцеплюсь в его щетину сзади, а вы, Петух, будете его клевать прямо в морду... Так, господа? Кто умнее, сейчас и будет видно.

Индюк всё время молчал. Сначала его ошеломила дерзость Ежа, и он не нашёл, что ему ответить. Потом Индюк рассердился, так рассердился, что даже самому сделалось немного страшно. Ему хотелось броситься на грубияна и растерзать его на мелкие части, чтобы все это видели и ещё раз убедились, какая серьёзная и строгая птица Индюк. Он даже сделал несколько шагов к Ежу, страшно надулся и только хотел броситься, как все начали кричать и бранить Ежа. Индюк остановился и терпеливо начал ждать, чем всё кончится.

Когда Петух предложил тащить Ежа за щетину в разные стороны, Индюк остановил его усердие.

— Позвольте, господа... Может быть, мы устроим всё это дело миром... Да. Мне кажется, что тут есть маленькое недоразумение. Предоставьте, господа, мне всё дело...

— Хорошо, мы подождём, — неохотно согласился Петух, желавший подраться с Ежом поскорее. — Только из этого всё равно ничего не выйдет...

— А уж это моё дело, — спокойно ответил Индюк. — Да вот слушайте, как я буду разговаривать.

Все столпились кругом Ежа и начали ждать. Индюк обошёл его кругом, откашлялся и сказал:

— Послушайте, господин Ёж... Объяснитесь серьёзно. Я вообще не люблю домашних неприятностей.

«Боже, как он умён, как умён!..» — думала Индюшка, слушая мужа в немом восторге.

— Обратите внимание прежде всего на то, что вы в порядочном и благовоспитанном обществе, — продолжал Индюк. — Это что-нибудь значит... да... Многие считают за честь попасть к нам на двор, но — увы! — это редко кому удается.

— Правда! Правда!.. — слышались голоса.

— Но это так, между нами, а главное не в этом...

Индюк остановился, помолчал для важности и потом уже продолжал:

— Да, так главное... Неужели вы думали, что мы и понятия не имеем о ежах? Я не сомневаюсь, что Гусак, принявший вас за гриб, пошутил, и Петух — тоже, и другие... Не правда ли, господа?

— Совершенно справедливо, Индюк! — крикнули все разом так громко, что Ёж спрятал свою чёрную мордочку.

«Ах, какой он умный!» — думала Индюшка, начинавшая догадываться, в чём дело.

— Как видите, господин Ёж, мы все любим пошутить, — продолжал Индюк. — Я уж не говорю о себе... да. Отчего и не пошутить? И, как мне кажется, вы, господин Ёж, тоже обладаете весёлым характером...

— О, вы угадали, — признался Ёж, опять выставляя мордочку. — У меня такой весёлый характер, что я даже не могу спать по ночам... Многие этого не выносят, а мне скучно спать.

— Ну, вот видите... Вы, вероятно, сойдётесь характером с нашим Петухом, который горланит по ночам, как сумасшедший.

Всем вдруг сделалось весело, точно каждому, для полноты жизни, только и не доставало Ежа. Индюк торжествовал, что так ловко выпутался из неловкого положения, когда Ёж назвал его глупым и засмеялся прямо в лицо.

— Кстати, господин Ёж, признайтесь, — заговорил Индюк, подмигнув, — ведь вы, конечно, пошутили, когда называли давеча меня... да... ну, неумной птицей?

— Конечно, пошутил! — уверял Ёж. — У меня уж такой характер весёлый!..

— Да, да, я в этом был уверен. Слышали, господа? — спрашивал Индюк всех.

— Слышали... Кто же мог в этом сомневаться!

Индюк наклонился к самому уху Ежа и шепнул ему по секрету:

— Так и быть, я вам сообщу ужасную тайну... да... Только — условие: никому не рассказывать. Правда, мне немного совестно говорить о самом себе, но что поделаете, если я — самая умная птица! Меня это иногда даже немного стесняет, но шила в мешке не утаишь... Пожалуйста, только никому об этом ни слова!..

Притча о Молочке, овсяной Кашке и сером котишке Мурке

I

Как хотите, а это было удивительно! А удивительнее всего было то, что это повторялось каждый день. Да, как поставят на плиту в кухне горшочек с молоком и глиняную кастрюльку с овсяной кашкой, так и начнётся. Сначала стоят как будто и ничего, а потом и начинается разговор:

— Я — Молочко...

— А я — овсяная Кашка...

Сначала разговор идёт тихонько, шёпотом, а потом и Кашка и Молочко начинают постепенно горячиться.

— Я — Молочко!

— А я — овсяная Кашка!..

Кашку прикрывали сверху глиняной крышкой, и она ворчала в своей кастрюле, как старушка. А когда начинала сердиться, то всплывал наверху пузырь, лопался и говорил:

— А я всё-таки овсяная Кашка... пум!

Молочку это хвастовство казалось ужасно обидным. Скажите, пожалуйста, какая невидаль — какая-то овсяная каша! Молочко начинало горячиться, поднималось пеной и старалось вылезти из своего горшочка. Чуть кухарка недосмотрит, глядит, — Молочко и полилось на горячую плиту.

— Ах, уж это мне Молочко! — жаловалась каждый раз кухарка. — Чуть-чуть недосмотришь, — оно и убежит.

— Что же мне делать, если у меня такой вспыльчивый характер?.. — оправдывалось Молочко. — Я и само не радо, когда сержусь. А тут ещё Кашка постоянно хвастается: я — Кашка, я — Кашка, я — Кашка... Сидит у себя в кастрюльке и ворчит, ну, я и рассержусь.

Дело иногда доходило до того, что и Кашка убегала из кастрюльки, несмотря на свою крышку, — так и поползёт на плиту, а сама всё повторяет:

— А я — Кашка! Кашка! Кашка... шшш!

Правда, что это случалось не часто, но всё-таки случалось, и кухарка в отчаянии повторяла который раз:

— Уж эта мне Кашка!.. И что ей не сидится в кастрюльке, просто удивительно!...

II

Кухарка, вообще, довольно часто волновалась. Да и было достаточно разных причин для такого волнения... Например, чего стоил один кот Мурка! Заметьте, что это был очень красивый кот, и кухарка его очень любила. Каждое утро начиналось с того, что Мурка ходил по пятам за кухаркой и мяукал таким жалобным голосом, что, кажется, не выдержало бы каменное сердце.

— Вот-то ненасытная утроба! — удивлялась кухарка, отгоняя кота. — Сколько вчера ты одной печёнки съел?

— Так ведь то было вчера! — удивлялся, в свою очередь, Мурка. — А сегодня я опять хочу есть... Мяу-у!..

— Ловил бы мышей и ел, лентяй.

— Да, хорошо это говорить, а попробовала бы сама поймать хоть одну мышь, — оправдывался Мурка. — Впрочем, кажется, я достаточно стараюсь... Например, на прошлой неделе кто поймал мышонка? А от кого у меня по всему носу царапина? Вот какую было крысу поймал, а она сама мне в нос вцепилась... Ведь это только легко говорить: лови мышей!

Наевшись печёнки, Мурка усаживался где-нибудь у печки, где было потеплее, закрывал глаза и сладко дремал.

— Видишь, до чего наелся! — удивлялась кухарка. — И глаза зажмурил, лежебок... И всё подавай ему мяса!

— Ведь, я не монах, чтобы не есть мяса, — оправдывался Мурка, открывая всего один глаз. — Потом, я и рыбки люблю покушать... Даже очень приятно съест рыбку. Я до сих пор не могу сказать, что лучше: печёнка или рыба. Из вежливости я ем то и другое... Если бы я был человеком, то непременно

был бы рыбаком или разносчиком, который нам носит печенку. Я кормил бы до отвала всех котов на свете и сам был бы всегда сыт...

Наевшись, Мурка любил заняться разными посторонними предметами, для собственного развлечения. Отчего, например, не посидеть часика два на окне, где висела клетка с скворцом? Очень приятно посмотреть, как прыгает глупая птица.

— Я тебя знаю, старый плут! — кричит Скворец сверху. — Нечего смотреть на меня...

— А если мне хочется познакомиться с тобой?

— Знаю я, как ты познакомишься... Кто недавно съел настоящего, живого воробушка? У, противный!..

— Нисколько не противный, — и даже наоборот. Меня все любят... Иди ко мне, я сказочку расскажу.

— Ах, плут... Нечего сказать, хороший сказочник! Я видел, как ты рассказывал свои сказочки жареному цыплёнку, которого стащил в кухне... Хорош!

— Как знаешь, а я для твоего же удовольствия говорю. Что касается жареного цыплёнка, то я его действительно съел; но ведь он уже никуда всё равно не годился.

III

Между прочим, Мурка каждое утро садился у топившейся плиты и терпеливо слушал, как ссорятся Молочко и Кашка. Он никак не мог понять, в чём тут дело, и только моргал.

— Я — Молочко.

— Я — Кашка! Кашка-Кашка-Кашшш...

— Нет, не понимаю! Решительно ничего не понимаю, — говорил Мурка. — Из-за чего сердятся? Например, если я буду повторять: я — кот, я — кот, кот, кот... Разве кому-нибудь будет обидно?.. Нет, не понимаю... Впрочем, должен сознаться, что я предпочитаю молочко, особенно когда оно не сердится.

Как-то Молочко и Кашка особенно горячо ссорились; ссорились до того, что наполовину вылились на плиту, причём поднялся ужасный чад. Прибежала кухарка и только всплеснула руками.

— Ну, что я теперь буду делать? — жаловалась она, отставляя с плиты Молоко и Кашку. — Нельзя отвернуться...

Отставив Молочко и Кашку кухарка ушла на рынок за провизией. Мурка этим сейчас же воспользовался. Он подсел к Молочку, подул на него и проговорил:

— Пожалуйста, не сердитесь, Молочко...

Молочко заметно начало успокаиваться. Мурка обошёл его кругом, ещё раз подул, расправил усы и проговорил совсем ласково:

— Вот что, господа... Ссориться вообще нехорошо. Да. Выберите меня мировым судьей, и я сейчас же разберу ваше дело...

Сидевший в щели чёрный Таракан даже поперхнулся от смеха: «Вот так мировой судья... Ха-ха! Ах, старый плут, что только и придумает!..» Но Молочко и Кашка были рады, что их ссору наконец разберут. Они сами даже не умели рассказать, в чём дело и из-за чего они спорили.

— Хорошо, хорошо, я всё разберу, — говорил кот Мурка. — Я уж не покривлю душой... Ну, начнём с Молочка.

Он обошёл несколько раз горшочек с Молочком, попробовал его лапкой, подул на Молочко сверху и начал лакать.

— Батюшки! Караул! — закричал Таракан. — Он всё молоко вылакает, а подумают на меня.

Когда вернулась с рынка кухарка и хватилась молока, — горшочек был пуст. Кот Мурка спал у самой печки сладким сном как ни в чём не бывало.

— Ах, ты, негодный! — бранила его кухарка хватая за ухо. — Кто выпил молоко, сказывай?

Как ни было больно, но Мурка притворился, что ничего не понимает и не умеет говорить. Когда его выбросили за дверь, он встряхнулся, облилиз помятую шерсть, расправил хвост и проговорил:

— Если бы я был кухаркой, так все коты с утра до ночи только бы и делали, что пили молоко. Впрочем, я не сержусь на свою кухарку, потому что она этого не понимает...

Пора спать...

I

Засыпает один глазок у Алёнушки, засыпает другое ушко у Алёнушки...

— Папа, ты здесь?

— Здесь, деточка...

— Знаешь, что, папа... Я хочу быть царицей...

Заснула Алёнушка и улыбается во сне.

Ах, как много цветов... И все они тоже улыбаются. Обступили кругом Алёнушкину кровать, шепчутся и смеются тоненькими голосками. Алые цветочки, синие цветочки, жёлтые цветочки, голубые, розовые, красные, белые, — точно на землю упала радуга и рассыпалась живыми искрами, разноцветными огоньками и весёлыми детскими глазками.

— Алёнушка хочет быть царицей! — весело звенели полевые Колокольчики, качаясь на тоненьких зелёных ножках.

— Ах, какая она смешная! — шептали скромные Незабудки.

— Господа, это дело нужно серьёзно обсудить, — задорно вмешался жёлтый Одуванчик. — Я, по крайней мере, никак этого не ожидал...

— Что такое значит — быть царицей? — спрашивал синий полевой Василёк. — Я вырос в поле и не понимаю ваших городских порядков.

— Очень просто... — вмешалась розовая Гвоздика. — Это так просто, что и объяснять не нужно. Царица — это... это... Вы всё-таки ничего не понимаете? Ах, какие вы странные... Царица — это, когда цветок розовый, как я. Другими словами: Алёнушка хочет быть гвоздикой. Кажется, понятно?

Все весело засмеялись. Молчали только одни Розы. Они считали себя обиженными. Кто же не знает, что царица всех цветов — одна Роза, нежная, благоухающая, чудная? И вдруг какая-то Гвоздика называет себя царицей... Это ни на что не похоже. Наконец одна Роза рассердилась, сделалась совсем пунцовой и проговорила:

— Нет, извините, Алёнушка хочет быть розой... да! Роза потому царица, что все её любят.

— Вот это мило! — рассердился Одуванчик. — А за кого же в таком случае вы меня принимаете?

— Одуванчик, не сердитесь, пожалуйста, — уговаривали его лесные Колокольчики. — Это портит характер, и притом некрасиво. Вот мы, — мы молчим о том, что Алёнушка хочет быть лесным колокольчиком, потому что это ясно само собой.

II

Цветов было много, и они так смешно спорили. Полевые цветочки были такие скромные — как ландыши, фиалки, незабудки, колокольчики, васильки, полевая гвоздика; а цветы, выращенные в оранжереях, немного важничали — розы, тюльпаны, лилии, нарциссы, левкой, точно разодетые по-праздничному богатые дети. Алёнушка больше любила скромные полевые цветочки, из которых делала букеты и плела веночки. Какие все они славные!

— Алёнушка нас очень любит, — шептали Фиалки. — Ведь мы весной являемся первыми. Только снег стает — мы и тут.

— И мы тоже, — говорили Ландыши. — Мы тоже весенние цветочки... Мы не прихотливы и растём прямо в лесу.

— А чем же мы виноваты, что нам холодно расти прямо в поле? — жаловались душистые кудрявые Левкой и Гиацинты. — Мы здесь только гости, а наша родина далеко, там, где так тепло и совсем не бывает зимы. Ах, как там хорошо, и мы постоянно тоскуем по своей милой родине... У вас, на севере, так холодно. Нас Алёнушка тоже любит, и даже очень...

— И у нас тоже хорошо, — спорили полевые цветы. — Конечно, бывает иногда очень холодно, но это здорово... А потом холод убивает наших злейших врагов, как червячки, мошки и разные букашки. Если бы не холод, нам пришлось бы плохо.

— Мы тоже любим холод, — прибавили от себя Розы.

То же сказали Азалии и Камелии. Все они любили холод, когда набирали цвет.

— Вот что, господа, будем рассказывать о своей родине, — предложил белый Нарцисс. — Это очень интересно... Алёнушка нас послушает. Ведь она и нас любит...

Тут заговорили все разом. Розы со слезами вспоминали благословенные долины Шираза, Гиацинты — Палестину, Азалии — Америку, Лилии — Египет... Цветы собрались сюда со всех сторон света, и каждый мог рассказать так много. Больше всего цветов пришло с юга, где так много солнца и нет зимы. Как там хорошо!.. Да, вечное лето! Какие громадные деревья там растут, какие чудные птицы, сколько красавиц бабочек, похожих на летающие цветы, — и цветов, похожих на бабочек...

— Мы на севере только гости, нам холодно, — шептали все эти южные растения.

Родные полевые цветочки даже пожалели их. В самом деле, нужно иметь большое терпение, когда дует холодный северный ветер, льёт холодный дождь и падает снег. Положим, весенний снежок скоро тает, но всё-таки снег.

— У вас есть громадный недостаток, — объяснил Василёк, наслушавшись этих рассказов. — Не спорю, вы, пожалуй, красивее иногда нас, простых полевых цветочков, — я это охотно допускаю... да. Одним словом, вы — наши дорогие гости, а ваш главный недостаток в том, что вы растёте только для богатых людей, а мы растём для всех. Мы гораздо добрее... Вот я, например, — меня вы увидите в руках у каждого деревенского ребёнка. Сколько радости доставляю я всем бедным детям!.. За меня не нужно платить денег, а только стоит выйти в поле. Я расту вместе с пшеницей, рожью, овсом...

III

Алёнушка слушала всё, о чём рассказывали ей цветочки, и удивлялась. Ей ужасно захотелось посмотреть всё самой, все те удивительные страны, о которых сейчас говорили.

— Если бы я была ласточкой, то сейчас же полетела бы, — проговорила она, наконец. — Отчего у меня нет крылышек? Ах, как хорошо быть птичкой!..

Она не успела ещё договорить, как к ней подползла божья Коровка, настоящая божья коровка, такая красненькая, с чёрными пятнышками, с чёрной головкой и такими тоненькими чёрными усиками и чёрными тоненькими ножками.

— Алёнушка, полетим, — шепнула божья Коровка, шевеля усиками.

— У меня нет крылышек, божья Коровка!

— Садись на меня...

— Как же я сяду, когда ты маленькая?

— А вот, смотри...

Алёнушка начала смотреть и удивлялась всё больше и больше. Божья Коровка расправила верхние жёсткие крылья и увеличилась вдвое, потом распустила тонкие, как паутина, нижние крылышки и сделалась ещё больше. Она росла на глазах у Алёнушки, пока не превратилась в большую-большую, в такую большую, что Алёнушка могла свободно сесть к ней на спинку, между красными крылышками. Это было очень удобно.

— Тебе хорошо, Алёнушка? — спрашивала божья Коровка.

— Очень...

— Ну, держись теперь крепче...

В первое мгновение, когда они полетели, Алёнушка даже закрыла глаза от страха. Ей показалось, что летит не она, а летит всё под ней — города, леса, реки, горы. Потом ей начало казаться, что она сделалась такая маленькая-маленькая, с булавочную головку, и притом лёгкая, как пушинка с одуванчика. А божья Коровка летела быстро-быстро, так, что только свистел воздух между крылышками.

— Смотри, что там внизу... — говорила ей божья Коровка.

Алёнушка посмотрела вниз и даже всплеснула ручонками.

— Ах, сколько роз... красные, жёлтые, белые, розовые!..

Земля была точно покрыта живым ковром из роз.

— Спустимся на землю, — просила она божью Коровку.

Они спустились, причём Алёнушка сделалась опять большой, какой была раньше, а божья Коровка сделалась маленькой.

Алёнушка долго бегала по розовому полю и нарвала громадный букет цветов. Какие они красивые, эти розы; и от их аромата кружится голова. Если бы всё это розовое поле перенести туда, на север, где розы являются только дорогими гостями!..

— Ну, теперь летим дальше, — сказала божья Коровка, расправляя свои крылышки.

Она опять сделалась большой-большой, а Алёнушка — маленькой-маленькой.

IV

Они опять полетели.

Как было хорошо кругом! Небо было такое синее, а внизу ещё синее — море. Они летели над крутым и скалистым берегом.

— Неужели мы полетим через море? — спрашивала Алёнушка.

— Да... Только сиди смиренно и держись крепче.

Сначала Алёнушке было страшно, а потом — ничего. Кроме неба и воды, ничего не осталось. А по морю неслись, как большие птицы с белыми крыльями, корабли... Маленькие суда походили на мух. Ах,

как красиво, как хорошо!.. А впереди уже виднеется морской берег — низкий, жёлтый и песчаный, устье какой-то громадной реки, какой-то совсем белый город, точно он выстроен из сахара. А дальше виднелась мёртвая пустыня, где стояли одни пирамиды. Божья Коровка опустилась на берегу реки. Здесь росли зелёные папирусы и лилии, чудные, нежные лилии.

— Как хорошо здесь у вас, — заговорила с ними Алёнушка. — Это у вас не бывает зимы?

— А что такое зима? — удивлялись Лилии.

— Зима — это когда идёт снег...

— А что такое снег?

Лилии даже засмеялись. Они думали, что маленькая северная девочка шутит над ними. Правда, что с севера каждую осень прилетали сюда громадные стаи птиц и тоже рассказывали о зиме, но сами они её не видали, а говорили с чужих слов. Алёнушка тоже не верила, что не бывает зимы. Значит, и шубки не нужно, и валенок?

Полетели дальше. Но Алёнушка больше не удивлялась ни синему морю, ни горам, ни обожжённой солнцем пустыне, где росли гиацинты.

— Мне жарко... — жаловалась она. — Знаешь, божья Коровка, это даже нехорошо, когда стоит вечное лето.

— Кто как привык, Алёнушка.

Они летели к высоким горам, на вершинах которых лежал вечный снег. Здесь было не так жарко. За горами начались непроходимые леса. Под сводом деревьев было темно, потому что солнечный свет не проникал сюда сквозь густые вершины деревьев. По ветвям прыгали обезьяны. А сколько было птиц — зелёных, красных, жёлтых, синих... Но всего удивительнее были цветы, выросшие прямо на древесных стволах. Были цветы совсем огненного цвета, были пёстрые; были цветы, походившие на маленьких птичек и на больших бабочек, — весь лес точно горел разноцветными живыми огоньками.

— Это — орхидеи, — объяснила божья Коровка.

Ходить здесь было невозможно — так всё переплелось.

Они полетели дальше. Вот разлилась среди зелёных берегов громадная река. Божья Коровка опустилась прямо на большой белый цветок, росший в воде. Таких больших цветов Алёнушка ещё не видала.

— Это — священный цветок, — объяснила божья Коровка. — Он называется лотосом...

V

Алёнушка так много видела, что наконец устала. Ей захотелось домой: всё-таки дома лучше.

— Я люблю снежок, — говорила Алёнушка. — Без зимы нехорошо...

Они опять полетели, и чем поднимались выше, тем делалось холоднее. Скоро внизу показались снежные поляны. Зеленел только один хвойный лес. Алёнушка ужасно обрадовалась, когда увидела первую ёлочку.

— Ёлочка, ёлочка! — крикнула она.

— Здравствуй, Алёнушка! — крикнула ей снизу зелёная Ёлочка.

Это была настоящая рождественская ёлочка, — Алёнушка сразу её узнала. Ах, какая милая ёлочка!.. Алёнушка наклонилась, чтобы сказать ей, какая она милая, и вдруг полетела вниз. Ух, как страшно!.. Она перевернулась несколько раз в воздухе и упала прямо в мягкий снег. Со страха Алёнушка закрыла глаза и не знала, жива она или умерла.

— Ты это как сюда попала, крошка? — спросил её кто-то.

Алёнушка открыла глазки и увидела седого-седого, сгорбленного старика. Она его тоже узнала сразу. Это был тот самый старик, который приносит умным деткам святочные ёлки, золотые звёзды, коробочки с бомбошками и самые удивительные игрушки. О, он такой добрый, этот старик!.. Он сейчас же взял её на руки, прикрыл своей шубой и опять спросил:

— Как ты сюда попала, маленькая девочка?

— Я путешествовала на божьей Коровке... Ах, сколько я видела, дедушка!..

— Так, так...

— А я тебя знаю, дедушка!.. Ты приносишь деткам ёлки...

— Так, так... И сейчас я устраиваю тоже елку.

Он показал ей длинный шест, который совсем уж не походил на елку.

— Какая же это ёлка, дедушка? Это просто — большая палка...

— А вот увидишь...

Старик понёс Алёнушку в маленькую деревушку, совсем засыпанную снегом. Выставлялись из-под снега одни крыши да трубы. Старика уже ждали деревенские дети. Они прыгали и кричали:

— Ёлка! Ёлка!..

Они пришли к первой избе. Старик достал не обмолоченный сноп овса, привязал его к концу шеста, а шест поднял на крышу. Сейчас же налетели со всех сторон маленькие птички, которые на зиму никуда не улетают: воробышки, кузьки, овсянки, — и принялись клевать зерно.

— Это наша ёлка! — кричали они.

Алёнушке вдруг сделалось очень весело. Она в первый раз видела, как устраивают ёлку для птичек зимой. Ах, как весело!.. Ах, какой добрый старичок! Один воробышек, суетившийся больше всех, сразу узнал Алёнушку и крикнул:

— Да ведь это Алёнушка! Я её отлично знаю... Она меня не один раз кормила крошками. Да...

И другие воробышки тоже узнали её и страшно запищали от радости.

Прилетел ещё один воробей, оказавшийся страшным забиякой. Он начал всех расталкивать и выхватывать лучшие зёрна. Это был тот самый воробей, который дрался с ершом. Алёнушка его узнала.

— Здравствуй, воробышек!..

— Ах, это ты, Алёнушка? Здравствуй!..

Забияка-воробей попрыгал на одной ножке, лукаво подмигнул одним глазом и сказал доброму святочному старику:

— А ведь она, Алёнушка, хочет быть царицей... Да, я давеча слышал сам, как она это говорила.

— Ты хочешь быть царицей, крошка? — спросил старик.

— Очень хочу дедушка!

— Отлично. Нет ничего проще: всякая царица — женщина, и всякая женщина — царица... Теперь ступай домой и скажи это всем другим маленьким девочкам.

Божья Коровка рада была убраться поскорее отсюда, пока какой-нибудь озорник воробей не съел. Они полетели домой, быстро-быстро... А там уж ждут Алёнушку все цветочки. Они всё время спорили о том, что такое царица.

Баю-баю-баю...

Один глазок у Алёнушки спит, другой — смотрит; одно ушко у Алёнушки спит, другое — слушает. Все теперь собрались около Алёнушкиной кровати: и храбрый Заяц, и Медведко, и забияка Петух, и Воробей, и Воронушка — чёрная головушка, и Ёрш Ершович, и маленькая-маленькая Козявочка. Все тут, все у Алёнушки.

— Папа, я всех люблю... — шепчет Алёнушка. — Я и чёрных тараканов, папа, люблю...

Закрылся другой глазок, заснуло другое ушко... А около Алёнушкиной кровати зеленеет весело весенняя травка, улыбаются цветочки, — много цветочков: голубые, розовые, жёлтые, синие, красные. Наклонилась над самой кроватью зелёная берёзка и шепчет что-то так ласково-ласково. И солнышко светит, и песочек желтеет, и зовёт к себе Алёнушку синяя морская волна...

Спи, Алёнушка, набирайся силушки...

Баю-баю-баю...

Серая шейка.

Первый осенний холод, от которого пожелтела трава, привел всех птиц в большую тревогу. Все начали готовиться в далекий путь, и все имели такой серьезный, озабоченный вид. Да, нелегко перелететь пространство в несколько тысяч верст. Сколько бедных птиц дорогой выбьются из сил, сколько погибнут от разных случайностей, — вообще было о чем серьезно подумать.

Серьезная большая птица, как лебеди, гуси и утки, собирались в дорогу с важным видом, сознавая всю трудность предстоящего подвига; а более всех шумели, суетились и хлопотали маленькие птички, как кулички-песочники, кулички-плавунчики, чернозобики, черныши, зуйки. Они давно уже собирались стайками и переносились с одного берега на другой по отмелям и болотам с такой быстротой, точно кто бросил горсть гороху. У маленьких птичек была такая большая работа.

— И куда эта мелочь торопится! — ворчал старый Селезень, не любивший себя беспокоить. — В свое время все улетим. Не понимаю, о чем тут беспокоиться.

— Ты всегда был лентяем, поэтому тебе и неприятно смотреть на чужие хлопоты, — объяснила его жена, старая Утка.

— Я был лентяем? Ты просто несправедлива ко мне, и больше ничего. Может быть, я побольше всех забочусь, а только вида не показываю. Толку от этого немного, если буду бегать с утра до ночи по берегу, кричать, мешать другим, надоедать всем.

Утка вообще была не совсем довольна своим супругом, а теперь окончательно рассердилась:

— Ты посмотри на других-то, лентяй! Вон наши соседи, гуси или лебеди, — любо на них посмотреть. Живут душа в душу. Небось лебедь или гусь не бросит своего гнезда и всегда впереди выводка. Да, да... А тебе-то до детей и дела нет. Только и думаешь о себе, чтобы набить зоб. Лентяй, одним словом. Смотреть-то на тебя даже противно!

— Не ворчи, старуха! Ведь я ничего не говорю, что у тебя такой неприятный характер. У всякого есть свои недостатки. Я не виноват, что гусь — глупая птица и поэтому нянчится со своим выводком. Вообще мое правило — не вмешиваться в чужие дела. Ну зачем? Пусть всякий живет по-своему.

Селезень любил серьезные рассуждения, причем оказывалось как-то так, что именно он, Селезень, всегда прав, всегда умен и всегда лучше всех. Утка давно к этому привыкла, а сейчас волновалась по совершенно особенному случаю.

— Какой ты отец? — накинулась она на мужа. — Отцы заботятся о детях, а тебе — хоть трава не расти!

— Ты это о Серой Шейке говоришь? Что же я могу поделать, если она не может летать? Я не виноват.

Серой Шейкой они называли свою калеку-дочь, у которой было переломлено крыло еще весной, когда подкралась к выводку Лиса и схватила утенка. Старая Утка смело бросилась на врага и отбила утенка, но одно крылышко оказалось сломанным.

— Даже и подумать страшно, как мы покинем здесь Серую Шейку одну, — повторяла Утка со слезами. — Все улетят, а она останется одна-одинешенька. Да, совсем одна. Мы улетим на юг, в тепло, а она, бедняжка, здесь будет мерзнуть. Ведь она наша дочь, и как я ее люблю, мою Серую Шейку! Знаешь, старик, останусь-ка я с ней зимовать здесь вместе.

— А другие дети?

— Те здоровы, обойдутся и без меня.

Селезень всегда старался замять разговор, когда речь заходила о Серой Шейке. Конечно, он тоже любил ее, но зачем же напрасно тревожить себя? Ну, останется, ну, замерзнет, — жаль, конечно, а все-таки ничего не поделаешь. Наконец, нужно подумать и о других детях. Жена вечно волнуется, а нужно смотреть на вещи серьезно. Селезень про себя жалел жену, но не понимал в полной мере ее материнского горя. Уж лучше было бы, если бы тогда Лиса совсем съела Серую Шейку, — ведь все равно она должна погибнуть зимой.

Старая Утка ввиду близившейся разлуки относилась к дочери-калеке с удвоенной нежностью. Бедняжка еще не знала, что такое разлука и одиночество, и смотрела на сборы других в дорогу с любопытством новичка. Правда, ей иногда делалось завидно, что ее братья и сестры так весело собираются к отлету, что они будут опять где-то там, далеко-далеко, где не бывает зимы.

— Ведь вы весной вернетесь? — спрашивала Серая Шейка у матери.

— Да, да, вернемся, моя дорогая. И опять будем жить все вместе.

Для утешения начинавшей задумываться Серой Шейки мать рассказала ей несколько таких же случаев, когда утки оставались на зиму. Она была лично знакома с двумя такими парами.

— Как-нибудь, милая, пробьешься, — успокаивала старая Утка. — Сначала поскучаешь, а потом привыкнешь. Если бы можно было тебя перенести на теплый ключ, что и зимой не замерзает, — совсем было бы хорошо. Это недалеко отсюда. Впрочем, что же и говорить-то попусту, все равно нам не перенести тебя туда!

— Я буду все время думать о вас. — Все буду думать: где вы, что вы делаете, весело ли вам? Все равно и будет, точно я с вами вместе.

Старой Утке нужно было собрать все силы, чтобы не выдать своего отчаяния. Она старалась казаться веселой и плакала потихоньку ото всех. Ах, как ей было жаль милой, бедненькой Серой Шейки. Других детей она теперь почти не замечала и не обращала на них внимания, и ей казалось, что она даже совсем их не любит.

А как быстро летело время. Был уже целый ряд холодных утренников, а от инея пожелтели березки и покраснели осины. Вода в реке потемнела, и сама река казалась больше, потому что берега оголели, — береговая поросль быстро теряла листву. Холодный осенний ветер обрывал засыхавшие листья и

уносил их. Небо часто покрывалось тяжелыми осенними облаками, ронявшими мелкий осенний дождь. Вообще хорошего было мало, и который день уже неслись мимо стаи перелетной птицы. Первыми тронулись болотные птицы, потому что болота уже начали замерзать. Дольше всех оставались водоплавающие. Серую Шейку больше всех огорчал перелет журавлей, потому что они так жалобно курлыкали, точно звали ее с собой. У нее еще в первый раз сжалось сердце от какого-то тайного предчувствия, и она долго провожала глазами уносившуюся в небе журавлиную стаю.

— Как им, должно быть, хорошо, — думала Серая Шейка.

Лебеди, гуси и утки тоже начинали готовиться к отлету. Отдельные гнезда соединялись в большие стаи. Старые и бывалые птицы учили молодых. Каждое утро эта молодежь с веселым криком делала большие прогулки, чтобы укрепить крылья для далекого перелета. Умные вожаки сначала обучали отдельные партии, а потом всех вместе. Сколько было крика, молодого веселья и радости. Одна Серая Шейка не могла принимать участия в этих прогулках и любовалась ими только издали. Что делать, приходилось мириться со своей судьбой. Зато как она плавала, как ныряла! Вода для нее составляла все.

— Нужно отправляться... пора! — говорили старики вожаки. — Что нам здесь ждать?

А время летело, быстро летело. Наступил и роковой день. Вся стая сбилась в одну живую кучу на реке. Это было ранним осенним утром, когда вода еще была покрыта густым туманом. Утиный косяк сбился из трехсот штук. Слышно было только криканье главных вожаков. Старая Утка не спала всю ночь, — это была последняя ночь, которую она проводила вместе с Серой Шейкой.

— Ты держись вон около того берега, где в реку сбегает ключик, — советовала она. — Там вода не замерзнет целую зиму.

Серая Шейка держалась в стороне от косяка, как чужая. Да, все были так заняты общим отлетом, что на нее никто не обращал внимания. У старой Утки изболелось сердце, глядя на бедную Серую Шейку. Несколько раз она решала про себя, что останется; но как останешься, когда есть другие дети и нужно лететь вместе с косяком?

— Ну, трогай! — громко скомандовал главный вожак, и стая поднялась разом вверх.

Серая Шейка осталась на реке одна и долго провожала глазами улетающий косяк. Сначала все летели одной живой кучей, а потом вытянулись в правильный треугольник и скрылись.

— Неужели я совсем одна? — думала Серая Шейка, заливаясь слезами. — Лучше бы было, если бы тогда Лиса меня съела.

Река, на которой осталась Серая Шейка, весело катилась в горах, покрытых густым лесом. Место было глухое, и никакого жилья кругом. По утрам вода у берегов начинала замерзать, а днем тонкий, как стекло, лед таял.

— Неужели вся река замерзнет? — думала Серая Шейка с ужасом.

Скучно ей было одной, и она все думала про своих улетевших братьев и сестер. Где-то они сейчас? Благополучно ли долетели? Вспоминают ли про нее? Времени было достаточно, чтобы подумать обо всем. Узнала она и одиночество. Река была пуста, и жизнь сохранялась только в лесу, где посвистывали рябчики, прыгали белки и зайцы.

Раз со скуки Серая Шейка забралась в лес и страшно перепугалась, когда из-под куста кубарем вылетел Заяц.

— Ах, как ты меня напугала, глупая! — проговорил Заяц, немного успокоившись. — Душа в пятки ушла... И зачем ты толчешься здесь? Ведь утки все давно уже улетели.

— Я не могу летать: Лиса мне крылышко перекусила, когда я еще была совсем маленькой.

— Уж эта мне Лиса! Нет хуже зверя. Она и до меня давно добирается. Ты берегись ее, особенно когда река покроется льдом. Как раз сцапает.

Они познакомились. Заяц был такой же беззащитный, как и Серая Шейка, и спасал свою жизнь постоянным бегством.

— Если бы мне крылья, как птице, так я бы, кажется, никого на свете не боялся! У тебя вот хоть и крыльев нет, так зато ты плавать умеешь, а не то возьмешь и нырнешь в воду, — говорил он. — А я постоянно дрожу со страху. У меня — кругом враги. Летом еще можно спрятаться куда-нибудь, а зимой все видно.

Скоро выпал и первый снег, а река все еще не поддавалась холоду. Однажды бурлившая днем горная река присмирела, и к ней тихо-тихо подкрался холод, крепко-крепко обнял гордую, непокорную красавицу и точно прикрыл ее зеркальным стеклом. Серая Шейка была в отчаянии, потому что не замерзла только самая середина реки, где образовалась широкая полынья. Свободного места, где можно

было плавать, оставалось не больше пятнадцати сажен. Огорчение Серой Шейки дошло до последней степени, когда на берегу показалась Лиса, — это была та самая Лиса, которая переломила ей крыло.

— А, старая знакомая, здравствуй! — ласково проговорила Лиса, останавливаясь на берегу. — Давненько не видались. Поздравляю с зимой.

— Уходи, пожалуйста, я совсем не хочу с тобой разговаривать, — ответила Серая Шейка.

— Это за мою-то ласку! Хороша же ты, нечего сказать! А впрочем, про меня много лишнего говорят. Сами наделают что-нибудь, а потом на меня и свалят. Пока — до свидания!

Когда Лиса убралась, приковылял Заяц и сказал:

— Берегись, Серая Шейка: она опять придет.

И Серая Шейка тоже начала бояться, как боялся Заяц. Бедная даже не могла любоваться творившимися кругом нее чудесами. Наступила уже настоящая зима. Земля была покрыта белоснежным ковром. Не оставалось ни одного темного пятнышка. Даже голые березы, ивы и рябины убрались инеем, точно серебристым пухом. А ели сделались еще важнее. Они стояли засыпанные снегом, как будто надели дорогую теплую шубу. Да, чудно, хорошо было кругом; а бедная Серая Шейка знала только одно, что эта красота не для нее, и трепетала при одной мысли, что ее полынья вот-вот замерзнет и ей некуда будет деться. Лиса действительно пришла через несколько дней, села на берегу и опять заговорила:

— Соскучилась я по тебе, уточка. Выходи сюда; а не хочешь, так я сама к тебе приду. Я не спесива.

И Лиса принялась ползти осторожно по льду к самой полынье. У Серой Шейки замерло сердце. Но Лиса не могла подобраться к самой воде, потому что там лед был еще очень тонок. Она положила голову на передние лапки, облизнулась и проговорила:

— Какая ты глупая, уточка. Вылезай на лед! А впрочем, до свидания! Я тороплюсь по своим делам.

Лиса начала приходить каждый день — проведать, не застыла ли полынья. Наступившие морозы делали свое дело. От большой полыньи оставалось всего одно окно в сажень величиной. Лед был крепкий, и Лиса садилась на самом краю. Бедная Серая Шейка со страху ныряла в воду, а Лиса сидела и зло подсмеивалась над ней:

— Ничего, ныряй, а я тебя все равно съем. Выходи лучше сама.

Заяц видел с берега, что проделывала Лиса, и возмущался всем своим заячьим сердцем:

— Ах, какая бессовестная эта Лиса. Какая несчастная эта Серая Шейка! Съест ее Лиса.

По всей вероятности, Лиса и съела бы Серую Шейку, когда полынья замерзла бы совсем, но случилось иначе. Заяц все видел своими собственными косыми глазами.

Дело было утром. Заяц выскочил из своего логова покормиться и поиграть с другими зайцами. Мороз был здоровый, и зайцы грелись, поколачивая лапку о лапку. Хотя и холодно, а все-таки весело.

— Братцы, берегитесь! — крикнул кто-то.

Действительно, опасность была на носу. На опушке леса стоял сгорбленный старичок охотник, который подкрался на лыжах совершенно неслышно и высматривал, которого бы зайца застрелить.

— Эх, теплая старухе шуба будет, — соображал он, выбирая самого крупного зайца.

Он даже прицелился из ружья, но зайцы его заметили и кинулись в лес, как сумасшедшие.

— Ах, лукавцы! — рассердился старичок. — Вот уж я вас. Того не понимают, глупые, что нельзя старухе без шубы. Не мерзнуть же ей. А вы Акинтича не обманете, сколько ни бегайте. Акинтич-то похитрее будет. А старуха Акинтичу вон как наказывала: «Ты, смотри, старик, без шубы не приходи!» А вы сигать.

Старичок порядком измучился, обругал лукавых зайцев и присел на берегу реки отдохнуть.

— Эх, старуха, старуха, убежала наша шуба! — думал он вслух. — Ну, вот отдохну и пойду искать другую.

Сидит старичок, горюет, а тут, глядь, Лиса по реке ползет, — так и ползет, точно кошка.

— Вот так штука! — обрадовался старичок. — К старухиной-то шубе воротник сам ползет. Видно, пить захотела, а то, может, и рыбки вздумала половить.

Лиса действительно подползла к самой полынье, в которой плавала Серая Шейка, и улеглась на льду. Стариковские глаза видели плохо и из-за лисы не замечали утки.

— Надо так ее застрелять, чтобы воротника не испортить, — соображал старик, прицеливаясь в Лису. — А то вот как старуха будет браниться, если воротник-то в дырках окажется. Тоже своя сноровка везде надобна, а без снасти и клопа не убьешь.

Старичок долго прицеливался, выбирая место в будущем воротнике. Наконец грянул выстрел. Сквозь дым от выстрела охотник видел, как что-то метнулось на льду, — и со всех ног кинулся к полынье; по дороге он два раза упал, а когда добежал до полыньи, то только развел руками, — воротника как не бывало, а в полынье плавала одна перепуганная Серая Шейка.

— Вот так штука! — ахнул старичок, разводя руками. — В первый раз вижу, как Лиса в утку обратилась. Ну, и хитер зверь.

— Дедушка, Лиса убежала, — объяснила Серая Шейка.

— Убежала? Вот тебе, старуха, и воротник к шубе. Что же я теперь буду делать, а? Ну и грех вышел. А ты, глупая, зачем тут плаваешь?

— А я, дедушка, не могла улететь вместе с другими. У меня одно крылышко попорчено.

— Ах, глупая, глупая. Да ведь ты замерзнешь тут или Лиса тебя съест! Да.

Старичок подумал-подумал, покачал головой и решил:

— А мы вот что с тобой сделаем: я тебя внучкам унесу. Вот-то обрадуются. А весной ты старухе яичек нанесешь да утят выведешь. Так я говорю? Вот то-то, глупая.

Старичок добыл Серую Шейку из полыньи и положил за пазуху.

— А старухе я ничего не скажу, — соображал он, направляясь домой. — Пусть ее шуба с воротником вместе еще погуляет в лесу. Главное: внучки вот как обрадуются.

Зайцы все это видели и весело смеялись. Ничего, старуха и без шубы на печке не замерзнет.

Лесная сказка.

I

У реки, в дремучем лесу, в один прекрасный зимний день остановилась толпа мужиков, приехавших на санях. Подрядчик обошел весь участок и сказал:

— Вот здесь рубите, братцы... Ельник отличный. Лет по сту каждому дереву будет...

Он взял топор и постучал обухом по стволу ближайшей ели. Великолепное дерево точно застонало, а с мохнатых зеленых ветвей покатались комья пушистого снега. Где-то в вершине мелькнула белка, с любопытством глядевшая на необыкновенных гостей; а громкое эхо прокатилось по всему лесу, точно разом заговорили все эти зеленые великаны, занесенные снегом. Эхо замерло далеким шепотом, будто деревья спрашивали друг друга: кто это приехал? Зачем?..

— Ну, а вот эта старушка никуда не годится... — прибавил подрядчик, постукивая обухом стоящую ель с громадным дуплом. — Она наполовину гнилая.

— Эй ты, невежа, — крикнула сверху Белка. — Как ты смеешь стучать в мой дом? Ты приехал только сейчас, а я прожила в дупле этой самой ели целых пять лет.

Она щелкнула зубами, распушила хвост и так зашипела, что даже самой сделалось страшно. А невежа-подрядчик не обратил на нее никакого внимания и продолжал указывать рабочим, где следовало начать порубку, куда складывать дрова и хворост.

Что было потом, трудно даже рассказать. Никакое перо не опишет того ужаса, который совершился в каких-нибудь две недели. Сто лет рос этот дремучий ельник, и его не стало в несколько дней. Люди рубили громадные деревья и не замечали, как из свежих ран сочились слезы: они принимали их за обыкновенную смолу. Нет, деревья плакали безмолвными слезами, как люди, когда их придавит слишком большое горе. А с каким стоном падали подрубленные деревья, как жалобно они трещали!.. Некоторые даже сопротивлялись, не желая поддаваться ничтожному человеку: они хватались ветвями за соседние деревья во время своего падения. Но все было напрасно: и слезы, и стоны, и сопротивление. Тысячи деревьев лежали мертвыми, как на поле сражения, а топор все продолжал свое дело. Деревья-трупы очищались от хвои, затем оголенные стволы разрубались на равные части и складывались правильными рядами в поленницы дров. Да, самые обыкновенные поленницы, которые мы можем видеть везде, но не всегда думаем, сколько живых деревьев изрублено в такую поленницу и сколько нужно было долгих-долгих лет, чтобы такие деревья выросли.

Уцелела одна старая ель с дуплом, в котором жила старая Белка с своей семьей. Под этой елью рабочие устроили себе балаган и спали в нем. Целые дни перед балаганом горел громадный костер, лизавший широким, огненным языком нижние ветки развесистого дерева. Зеленая хвоя делалась красной, тлела, а потом оставались одни обгоревшие сучья, топорщившиеся, как пальцы. Старая Белка была возмущена до глубины души этим варварством и громко говорила:

— Для чего все это сделано?.. Кому мешал красавец лес? Противные люди! Нарочно придумали железные топоры, чтобы рубить ими деревья... Кому это нужно, чтобы вместо живого, зеленого леса стояли какие-то безобразные поленницы? Не правда ли, старушка Ель?

— Я ничего не знаю и ничего не понимаю, — грустно ответила Ель, вздрагивая от ужаса. — Мое горе настолько велико, что я не могу даже подумать о случившемся... Лучше было погибнуть и мне вместе с другими, чтобы не видеть всего, что происходило у меня на глазах. Ведь все эти срубленные деревья — мои дети. Я радовалась, когда они были молодыми деревцами, радовалась, глядя, как они весело росли, крепили и поднимались к самому небу. Нет, это ужасно... Я не могу ни говорить, ни думать!.. Конечно, каждое дерево когда-нибудь должно погибнуть от собственной старости; но это совсем не то, когда видишь срубленными тысячи деревьев в расцвете сил, молодости и красоты.

Люди, срубившие деревья, почти совсем не говорили о них, точно все так было, как должно быть. Они заботились теперь о том, как бы поскорее вывезти заготовленные дрова и уехать самим. Может быть, их мучила совесть, а может быть, им надоело жить в лесу, — вернее, конечно, последнее.

К ним на помощь явились другие. Они в несколько дней сложили приготовленные дрова на воза и увезли, оставив одни пни и кучи зеленого хвороста. Вся земля была усыпана щепками и сором, так что зимнему ветру стоило больших хлопот засыпать эту безобразную картину свежим, пушистым снегом.

— Где же справедливость? — жаловалась Ветру старая Ель. — Что мы сделали этим злым людям с железными топорами?

— Они совсем не злые, эти люди, — ответил Ветер. — А просто ты многого не знаешь, что делается на свете.

— Конечно, я сижу дома, не шатаюсь везде, как ты, — угрюмо заметила Ель, недовольная замечанием своего старого знакомого. — Да я и не желаю знать всех несправедливостей, какие делаются. Мне довольно своего домашнего дела.

— Ты, Ветер, много хвастаешься, — заметила в свою очередь старая Белка. — Что же ты можешь знать, когда должен постоянно лететь сломя голову все вперед? Потом, ты делаешь часто большие неприятности и мне и деревьям: нагонишь холоду, снегу...

— А кто летом гонит к вам дождевые облака? Кто весной обсушит землю? Кто?.. Нет, мне некогда с вами разговаривать! — еще более хвастливо ответил Ветер и улетел. — Прощайте пока...

— Самохвал!.. — заметила вслед ему Белка.

С Ветром у леса велись искони неприятные счеты главным образом зимой, когда он приносил страшный северный холод и сухой, как толченое стекло, снег. Деревья к северу повертывались спиной и тянулись своими ветвями на юг, откуда веяло благодатным теплом. Но в густом лесу, где деревья защищали друг друга, Ветер мог морозить только одни вершины, а теперь он свободно гулял по вырубленному месту, точно хозяин, и это приводило старую Ель в справедливое негодование, как и Белку...

II

Наступила весна. Глубокий снег точно присел, потемнел и начал таять. Особенно скоро это случилось на новой поруби, где весеннее солнце припекало так горячо. В густом лесу, обступавшем порубь со всех сторон, снег еще оставался, а на поруби уже выступали прогалины, снеговая вода сбегала ручьями к одному месту, где под толстым льдом спала зимним сном Речка Безымянка.

— Что вы меня будите раньше времени? — ворчала она. — Вот снег в лесу тает, и я проснусь.

Но ее все-таки разбудили раньше. Проснувшись, река не узнала своих берегов; везде было голо и торчали одни пни.

— Что такое случилось? — удивлялася Речка, обращаясь к одиноко стоявшей старой Ели. — Куда девался лес?

Старая Ель со слезами рассказала старой приятельнице обо всем случившемся и долго жаловалась на свою судьбу.

— Что же я теперь буду делать? — спрашивала Речка. — Раньше лес задерживал влагу, а теперь все высохнет... Не будет влаги, — не будет и лесных ключиков с холодной водой. Вот горе!.. Чем я буду поить прибрежную траву, кусты и деревья? Я сама высохну с горя...

А весеннее солнце продолжало нагревать землю. Дохнул теплом первый весенний ветерок, прилетевший с теплого моря. Набухли почки на березах, а мохнатые ветви елей покрылись мягкими, светлыми почками. Это были молодые побеги новой хвои, выглянувшие зелеными глазками. Через

мокрым, почерневшим снегом, точно изъеденным червями, пробился своей желтой головкой первый Подснежник и весело крикнул тоненьким голоском:

— Вот и я, братцы!.. Поздравляю с весной!

Прежде в ответ сейчас же слышался веселый шепот елей, кивавших своими ветвями первому весеннему гостю, а теперь все молчало кругом, так, что Подснежник был неприятно удивлен таким недружелюбным приемом. Когда развернулась цветочная почка и Подснежник глянул кругом желтым глазком, он ахнул от изумления: вместо знакомых деревьев торчали одни пни; везде валялись кучи хвороста, щеп и сучьев. Картина представлялась до того печальная, что Подснежник даже заплакал.

— Если бы я знал, то лучше остался бы сидеть под землей, — печально проговорил он, повертываясь на своей мохнатой ножке. — От леса осталось одно кладбище.

Старушка Ель опять рассказала про свое страшное горе, а Белка подтвердила ее слова. Да, зимой приехали люди с железными топорами и срубили тысячи деревьев, а потом изрезали их на дрова и увезли.

Не успел этот разговор кончиться, как показались перистые листья папоротников. В густом дремучем лесу трава не растет, а мох и папоротник, — они любят и полусвет и сырость. Их удивление было еще больше.

— Что же? Нам ничего не остается, как только уйти отсюда, — сурово проговорил самый большой Папоротник. — Мы не привыкли жариться на солнце...

— И уходите... — весело ответила зеленая Травка, выбившаяся откуда-то из-под сора нежными усиками.

— А ты откуда взялась? — сурово спросила старая Ель незваную гостью. — Разве твое место здесь? Ступай на берег реки, к самой воде...

Весело засмеялась зеленая Травка на это ворчанье. Зачем она пойдет, когда ей и здесь хорошо? Довольно и света, и земли, и воздуха. Нет, она останется именно здесь, на этой жирной земле, образовавшейся из перегнившей хвои, моха и сучьев.

— Как я попала сюда? Вот странный вопрос! — удивлялась Травка, улыбаясь. — Я приехала, как важная барыня... Меня привезли вместе с сеном, которое ели лошади: сено-то они съели, а я осталась. Нет, мне решительно здесь нравится... Вы должны радоваться, что я покрою все зеленым, изумрудным ковром.

— Вот это мило! — заметила Белка, слушавшая разговор. — Пришла неизвестно откуда, да еще разговаривает... А впрочем, что же, пусть растет пока, особенно если сумеет закрыть все эти щепы и сор, оставленные дровосеками.

— Я никому не помешаю, — уверяла Травка. — Мне нужно так немного места... Сами будете потом хвалить. А вот вы лучше обратите внимание вон на те зеленые листочки, которые пробиваются из-под щеп: это осина. Она вместе со мной приехала в сене, и мне всю дорогу было горько. По-моему, осина — самое глупое дерево: крепости в нем никакой, даже дрова из нее самые плохие, а разрастается так, что всех выживает.

— Ну, это уж из рук вон! — заворчала старая Ель. — Положим, старый ельник вырублен, но на его месте вырастут молодые елочки... Здесь наше старинное место, и мы его никому не уступим.

— Когда еще твои елочки вырастут, а осинник так разрастется, что все задушит, — объяснила Белка. — Я это видела на других порубях... Осина всегда занимала чужие места, когда хозяева уйдут... И вырастает она скоро, и неприхотлива, да и живет недолго. Пустое дерево, вечно что-то бормочет, а что — и не разберешь. Да и мне от него поживы никакой.

В одну весну на свежей поруби явились еще новые гости, которые и сами не умели объяснить, откуда явились сюда. Тут были и молодые рябинки, и черемуха, и малинники, и ольхи, и кусты смородины, и верба; все эти породы жались главным образом к реке, оттесняя одна другую, чтобы захватить местечко получше. Ссорились они ужасно, так что старая Ель смотрела на них, как на разбойников или мелких воришек, которые никак не могли разделить попавшуюся в руки лакомую добычу.

— Э, пусть их, — успокаивала ее Белка. — Пусть ссорятся и выгоняют друг друга. Нужно подождать, старушка. Только бы побольше уродилось шишек, а из шишек выпадет семя и народятся маленькие елочки.

— У тебя только и заботы, что о шишках! — укорила Ель лукавую лакомку. — Всякому, видно, до себя...

Порубь заросла вся в одну весну и новой травой, и новыми древесными породами, так что о сумрачных папоротниках не было здесь и помину. В зеленой, сочной траве пестрели и фиолетовые колокольчики, и полевая розовая гвоздика, и голубые незабудки, и ландыши, и фиалки, и пахучий шалфей, и розовые стрелки иван-чая. Недавняя смерть сменилась яркой жизнью молодой поросли; а в ней зачирикала, засвистела и рассыпалась веселыми трелями разная мелкая птичка, которая не любит глухого леса и держится по опушкам и мелким зарослям. Приковылял в своих валенках и косою зайка: щипнул одну травку, попробовал другую, погрыз третью и весело сказал Белке:

— Это повкуснее будет твоих шишек... Попробуй-ка!..

III

С тех пор как вырубил лес у реки, прошло уже несколько лет, и порубь сделалась неузнаваемой. С вершины старой Ели виднелось точно сплошное зеленое озеро, разлившееся в раме темного ельника, обступившего порубь со всех сторон зубчатой стеной. Старая Белка, бывшая свидетельницей порубки, успела в это время умереть, оставив целое гнездо молоденьких белочек, резвившихся и прыгавших в мохнатой зелени старой Ели.

— Посмотрите-ка, что там делается, на реке, — просила старушка Ель своих бойких квартиранток. — Меня ужасно это беспокоит... Кажется, довольно здесь набралось всяких деревьев, а идут все новые... Насильно лезут вперед, продираются, душат друг друга, — это меня удивляет! Мне, наконец, надоели эта суматоха и постоянные раздоры... Прежде было так тихо и чинно, каждое дерево знало свое место, а теперь точно с ума все сошли...

Белочки прыгали к реке и сейчас же приносили невеселый ответ:

— Плохо, бабушка Ель... По реке вверх поднимаются новые травы и цветы, новые кустарники, и все это стремится на порубь, чтобы захватить хоть какой-нибудь кусок земли.

— Э, пусть идут: мне теперь все равно, — печально шептала старушка Ель. — Мне и жить осталось недолго.

Время в лесу шло скорее, чем в городах, где живут люди. Деревья считали его не годами, а десятками лет. Происходило это, вероятно, потому, что деревья живут гораздо дольше людей и растут медленнее. С другой стороны, существовали однолетние растения, для которых весь круг жизни совершался в одно лето, — они рождались весной и умирали осенью. Кустарники жили десять-двадцать лет, а потом начинали хиреть, теряли листья и постепенно засыхали. Лиственные деревья жили еще дольше, но до ста лет выживали одни липы и березы, а осины, черемухи и рябины погибали, не дожив и половины. С лиственными деревьями пришли и свои травы, и цветы, и кустарники — эта веселая зеленая свита, которая не встречается в глухих хвойных лесах, где недостает солнца и воздуха и где могут жить одни папоротники, мхи и лишайники.

Главными действующими лицами на поруби являлись теперь река Безымянка и Ветер, — они вместе несли свежие семена новых растений и лесных пород, и таким образом происходило передвижение растительности. Через двадцать лет вся порубь заросла густым смешанным лесом, точно зеленая щетка. Посторонний глаз ничего здесь не разобрал бы, — так перемешались разные породы деревьев. Зеленая трава и цветы первыми покрыли свежую порубь, а теперь они должны были отступить на берег реки и лесные опушки, потому что в густой заросли им делалось душно да и солнца не хватало.

Но среди светлой зелени лиственных пород скоро показались зеленые стрелки молодых елочек, — они целой семьей окружали старую, дуплистую ель и, точно дети, рассыпались по опушке оставшейся нетронутой стеной старого дремучего ельника.

— Не пускайте их! — кричала горькая Осина, шелестя своими дрожавшими листиками. — Это место наше... Вот как они продираются. Пожалуй, и нас выгонят...

— Ну, это еще мы посмотрим, — спокойно ответили зеленые Березки. — А мы не дадим им свету... Загораживайте им солнце, — отнимайте из земли все соки. Мы еще посмотрим, чья возьмет...

Завязалась отчаянная война, которая особенно страшна была тем, что она совершалась молча, без малейшего звука. Это была общая война лиственных пород против молодой хвойной поросли. Березы и осины протягивали свои ветви, чтобы загородить солнечные лучи, падавшие на молодые елочки. Нужно было видеть, как томилась без солнца эти несчастные елочки, как они задыхались, хирели и засыхали. Еще сильнее шла война под землей, где в темноте неутомимо работали нежные корни, сосавшие питательную влагу. Корешки травы и цветов работали в самом верхнем слое почвы, глубже их зарывались корни кустарников, а еще глубже шли корни берез и молоденьких елочек. Там, в темноте, они переплетались между собой, как тонкие белые волосы.

— Дружнее работайте, детки! — ободряла их старая Ель. — Не теряйте времени...

Вся беда была в том, что березы росли быстрее елочек, но, с другой стороны, елочки оставались зелеными круглый год и пользовались одни светом и солнцем, пока березки спали зимним сном.

— Бабушка, нам трудно, — жаловались Елочки каждую весну. — Одолеют нас березы летом. Они в одно лето вырастут больше, чем мы — в два года.

— Имейте терпение, детки! Ничего даром не дается, а все добывается тяжелым трудом... Дружнее работайте!..

Кусты отступили первыми; им нечего было здесь делать. Они скромно исчезли, уступив место более сильным лесным породам. Молодому осиннику приходилось также плохо: его теснили березы.

— Вы это что же делаете? — спросили Осины. — Мы прежде вас пришли сюда, а вы нас же начинаете выживать... Это бессовестно!..

— Вы находите, что бессовестно? — смеялись веселые Березки. — Только мы несколько не виноваты... Вас все равно выгонят отсюда вот эти елочки, как только они подрастут. Вы уж лучше уходите сами подобру-поздорову и поищите себе другого места. Только мешаете нам.

— Мы им мешаем?! Мы им мешаем?! — шептали огорченные листики бедной Осины. — Это называется просто нахальством. Вы пользуетесь правом сильного. Да... Когда-нибудь вы раскаетесь, когда самим придется плохо...

— Ах, отстаньте, надоели! Некогда нам разговаривать с вами...

Плохо пришлось осинкам, когда их загнали в самый угол поруби; с одной стороны на них наступал молодой березняк, а с другой — молодая еловая поросль.

— Батюшки, погибаем! — кричали несчастные Осинки. — Господа, что же это такое? Двое на одного...

— Уходите! Уходите! — тысячами голосов кричали Елочки. — Вы нам только мешаете... Смешно плакать, когда идет война. Нужно уметь умирать с достоинством, если нет силы жить...

— А где же у нас рябины и черемухи? — спрашивал насмешник-Ветер, прилетавший поиграть с молодыми березками. — Ах, бедные, они ушли совсем незаметно, чтобы никого не побеспокоить...

Большой шалун был этот Ветер: каждую веточку по дороге нагнет, каждый листочек поцелует и с веселым свистом летит дальше. Ему и горя мало, как другие живут на свете, и только самому бы погулять. Правда, зимой, в холод, ему приходилось трудненько, и Ветер даже стонал и плакал, но ему никто не верил; это горе было только до первого весеннего луча.

IV

Прошло пятьдесят лет.

От старой поруби не осталось и следа. На ее месте поднималась зеленая рать молодых елей, рвавшихся в небо своими стрелками. Среди этой могучей хвойной зелени сиротами оставались кой-где старые березы, — на всю порубь их было не больше десятка. Там, где торжествовали смерть и разрушение, теперь цвела молодая жизнь, полная силы и молодого веселья. В этой зелени выделялась своей побуревшей вершиной одна старая Ель.

— Ох, детки, плохо мне... — часто жаловалась старушка, качая своей бурой вершиной. — Нехорошо так долго заживаться на свете. Всему есть свой предел... Теперь я умру спокойно, в своей семье, — а то совсем было осталась на старости лет одна-одинешенька.

— Бабушка, мы не дадим тебе умереть! — весело кричали молодые Ели. — Мы тебя будем защищать и от ветра, и от холода, и от снега.

— Нет, детки, устала я жить... Довольно. Меня уже точат и черви, и жучки, а сверху разъедают кору лишайники.

— Тук, тук!.. — крикнул пестрый Дятел, долбивший старую Ель своим острым клювом. — Где жучки? Где червячки? Тук... тук... тук... Я им задам!.. Тук... Не беспокойтесь, старушка, я их всех вытащу и скушаю... Тук!..

— Да ведь ты меня же долбишь, мою старую кору? — стонала Ель, возмущенная нахальством нового гостя. — Прежде в дупле жили белки, так те шишки мои ели, а ты долбишь меня, мое деревянное тело. Ах, приходит, видно, мой конец.

— Ничего. Тук!.. Я только червячков добуду... Тук, тук, тук!..

Молодые елочки были возмущены бессовестностью дятла; но что поделаешь с нахалом, который еще уверяет, что трудится для пользы других! А старая Ель только вздрагивала, когда в ее дряблое тело впивался острый клюв. Да, пора умирать.

— Детки, расскажу я вам, как я попала сюда, — шептала старушка. — Давно это было... Мои родители жили там, на горе, в камнях, где так свистит холодный ветер. Трудно им приходилось, особенно по зимам... Больше всех обижал Ветер: как закрутит, как засвистит... Северная сторона у елей вся была голая, а нижние ветви стлались по земле. Трудно было и пищу добывать между камнями. Корни оплетали камни и крепко держались за них. Ель — неприхотливое дерево и крепкое, не боится ничего. Сосны и березы не смели даже взглянуть туда, где мои родители зеленели стройной четой. Выше их росли только болотная горная трава да мох... Красиво было там, на горе... Да... На такую высоту только изредка забегали белки да зайцы. Одна такая белка подобрала между камнями спелую еловую шишку и утащила сюда, в свой дом, а из этой шишки выросла я. Здесь привольнее, чем на горе, хоть и не так красиво. Вот моя история, детки... Долго я жила и скажу одно, что мы, ели, — самое крепкое дерево, а поэтому другие породы и не могут нас одолеть. Сосна тоже хорошее дерево, но не везде может расти... Вот пихты и кедры — те одного рода с нами и также ничего не боятся...

Все слушали старушку с приличным молчанием, а папоротники широко простирали свои листья-перья. В молодом лесу уже водворились сырость и вечная полумгла, какие необходимы этому красивому растению. О полевых цветах и веселой зеленой травке не было и помину, а от старых берез оставались одни гнилые пни, в которых жили мыши и землеройки. Следы поруби исчезли окончательно.

Настал и роковой день. Это было среди лета. С вечера еще ветер нагнал темную тучу, которая обложила половину неба. Все притихло в ожидании грозы, и только изредка налетал ветер. В воздухе сделалось душно. Весело журчала одна Безымянка: ветер принесет ей новой воды. Обновилась и зеленая травка, которую несколько дней жгло солнце.

— Эй, берегись! — свистал Ветер, проносясь по верхушкам елей. — Я вас всех утешу, только стоять крепче.

Потом все стихло. Сделалось совсем темно. Где-то далеко грянул первый гром, а туча уже закрыла все небо. Ослепительно сверкнула молния, и раздался новый, страшный удар грома прямо над лесом. Где-то что-то затрещало и зашумело. Посыпались первые крупные капли дождя, и рванулся ветер, а там — новый удар грома. Эта канонада продолжалась в течение целого часа, а когда она кончилась и буря пронеслась, старая Ель лежала уже на земле. Она рухнула под тяжестью пережитых лет и старческого бессилия. Когда взошло солнце и под его лучами ярко заблестела омытая дождем зелень, не оказалось только одной бурой вершины старой Ели...

Упрямый козел.

Жил да поживал на свете веселый столяр. Так его и соседи называли «веселый столяр», потому что работал он всегда с песнями. Работает и поет.

— Хорошо ему петь, когда у него все есть, — говорили соседи с завистью. — И своя избушка, и коровка, и лошадка, и огород, и куры, и... даже козел.

Действительно, у столяра все было: и своя избушка, и лошадка, и коровка, и куры, и старый упрямый козел. Жил он ни бедно, ни богато, а главное — все было свое. Сам столяр говорил:

— Слава богу, все у меня есть...

Завистливые соседи не хотели видеть одного, — именно, что веселый столяр все свое добро наживал сам, своим трудом, постоянно работая, да еще помогала ему жена. Он стругает и пилит свои доски, а жена всякую домашнюю работу справляет: и обед приготовит, и починит, и сошьет, и с огородом управится, и за скотиной присмотрит. Одним словом, жили хорошо, и дом был полной чашей. А где живут хозяева хорошо, там и всем остальным хорошо. Лошадь сытая, корова — тоже, на крыше избушки ворковали голуби, под крышей весело чиликали воробьи, по двору расхаживал осанистый петух со своими курами; даже жившие под полом мыши и те были сыты. Бывало, жена столяра заворчит:

— И что это мышей у нас столько развелось? Овес воруют у кур, хлеб тащат...

— Ну что же, и пусть их тащат! — успокаивал жену столяр. — Где же им взять? У хлеба не без крох... Жалованья они не получают, работать не умеют, а жить надо. У них тоже есть и своя семейшка, и свои детишки, — надо чем-нибудь кормиться. Ничего, нас с тобой не съедят... Наконец, у нас есть кот Васька.

Кот сидел обыкновенно на печке и делал вид, что ничего не слышит. Он не любил пустых разговоров. Скажите пожалуйста, с какой стати он будет ловить мышей, когда сыт до отвала? Иногда он отправлялся в амбар, ловил какого-нибудь несчастного мышонка, но не ел его, а приносил показать хозяйке.

— Ай да Вася, молодец! — хвалила его жена столяра и давала коту молока.

Кот напивался молока и дремал где-нибудь в теплом уголке. Мышей он ловил только для собственного развлечения. Покажется скучно, ну, и сходит на охоту. Вообще серьезный был кот Васька, и хозяйка очень его любила. Больше всего он гордился тем, что живет в избе вместе с хозяевами и на двор выходил только погулять. Ни с кем не ссорился, не дрался и относился к другим свысока. Например, петух и козел вечно ссорились, корили друг друга и даже вступали в драку.

— Разве так можно, господа? — ворчал кот. — Вы совсем не умеете себя держать... Впрочем, что же я говорю с вами: все равно ничего не поймете!

— Знаем мы тебя, старого плута, — ругался петух. — Только и знаешь, что лежать на солнышке... Скажите пожалуйста, какой важный барин: лапку боится замочить. Одним словом, дрянь!

Кот ничего не отвечал, а только презрительно щурил свои зеленые глаза да поводил усами.

Козел и петух часто ссорились. Просто возьмут и поссорятся ни из-за чего.

— Эй ты, дармоед! — кричал на весь двор забияка-петух. — Недаром говорится, что от козла — ни шерсти, ни молока...

— Тоже расхвастался, работник! — сердился козел. — Только горло свое петушиное дерешь да никому спать не даешь... Вот и вся твоя работа!

— Я не работник? А кто хозяина по утрам будит? Я!.. А кто за курами смотрит, чтобы не разбежались по чужим дворам? Все я же!.. Везде я и обо всех должен позаботиться! А ты только даром чужое сено ешь, старый упрямый козел...

— Чужое сено ем? Ах ты, разбойник!.. Да я тебя в мелкие крошки, хвастуна, расшибу!

Козел наклонял голову, закрывал глаза и стремглав бросался на петуха...

— Ой, убили! Батюшки, петуха убили!.. — неистово орал петух, удирая от рассвирепевшего козла. — Караул!.. Живого петуха проклятый козел убил!

Всех поднимал на ноги горланивший петух. Кудахтали перепуганные куры, трещали воробьи, лаял дворовый пес Шарик, принимавший горячее участие в драке. Шарик гнался зараз и за козлом и за петухом и старался ухватить которого-нибудь зубами. Столяр хохотал до слез, глядя на эту суматоху. Обыкновенно дело кончалось тем, что петух взлетал на забор, хлопал крыльями и орал во все горло:

— Наша взяла, урра!.. Что, взял, проклятый козел? Где тебе драться со мной!.. погоди, вот я тебе твои глупые глаза выцарапаю. Да, со мной, брат, шутки плохие!..

Старый упрямый козел обыкновенно чувствовал себя в такие минуты очень скверно. Упрется рогами в забор и старается его повалить... Тоже ведь совестно, что петух так срамит на всю улицу. Шарик из усердия лаял, как сумасшедший, и тоже бросался на забор.

— Ах, козел, козел, как тебе не стыдно, — смеялся столяр. — Нехорошо, брат, драться, да еще с птицей... Ах, козел, козел, как тебе не стыдно!

— А ежели он хвастается? — угрюмо отвечал козел. — Я вот ему задам.

Подзадоренный козел отходил от забора на середину двора, разбежался и со всего разбега — хлоп! — прямо лбом в забор, — только рога трещат. Это было уж совсем смешно, так что хихикали даже воробьи, прыгая по крыше. Степенно смеялись голуби, качала головой лошадь, а петух хохотал во все горло.

— Ну еще раз, козел!.. Ха-ха!.. Пожалей забор-то, глупая голова!.. Он не виноват, что ты глуп.

— В самом деле, пожалей забор, — смеялся столяр. — Да лоб еще самому может пригодиться... Ах, какой ты старый упрямый козел!..

Козел после такой драки долго не мог успокоиться. Он вообще сердился подолгу: рассердится утром и весь день сердится, ляжет спать — тоже сердится, проснется ночью — еще немножко посердится. Такой уж сердитый уродился... Раз, чтобы досадить петуху, он, как будто не нарочно, наступил на его любимую курицу. Вышел целый скандал, и петух побежал жаловаться на козла хозяину.

— Помилуйте, хозяин, этак козел всех моих кур изуродует.

— Ну это, брат, не мое дело, — отвечал столяр. — Пусть вас хозяйка рассудит, как знает...

И жена столяра рассудила: взяла палку и пребольно побила козла.

— Вот тебе, вот тебе, упрямая твоя башка... Не дави кур, не дави кур!..

Козел даже взревел от боли, убежал в огород и еще сильнее рассердился на проклятого петуха. Он долго не хотел идти обратно во двор, пока его не уговорил Шарик.

— Ну, будет тебе сердиться, — уговаривал Шарик, виляя хвостом. — Мы как-нибудь вместе вздуем петуха...

— Да, хорошо тебе говорить, а ведь бока-то мои... — ворчал козел, уставившись рогами в землю. — Уж, кажется, я ли не служу хозяину? А что касается сена, так какое сено мне достается? Подбираю с земли, которое лошадь и коровы все равно затопчут. Одно названье, что сено... Положим, что я неприхотлив, а все-таки чужого сена не ем.

Шарик был добрая собака и жалел козла. В самом деле, за что прибила его хозяйка?..

— Знаешь, что я тебе скажу, козел, — говорил Шарик, — не стоит сердиться. Ты сделай вид, что будто ничего не заметил. И мне ведь тоже иногда достается от хозяйки... А я терплю. Она только и любит, что своего кота Ваську да кур. Ничего с ней не поделаешь...

— А я ее как-нибудь забодаю... вот и не поделаешь.

— Нет, это уж совсем не годится, козел. Надо терпеть... Мало ли что случается в семье? Не каждое лыко в строку...

В сущности, Шарик хитрил. Он больше всего любил, чтобы в доме все было в порядке. Для чего же тогда он, Шарик, если все будут ссориться и драться? Немножко — еще ничего, а только не постоянно.

— Ну, я их помирил, — хвастался Шарик, подходя к хозяйскому крыльцу. — Поссорились, и будет...

— Ты у меня молодец! — хвалил столяр верного пса. — Ежели разобрать, так козел совсем добрый; только немножко упрям. Я ему так и сказал: не сердись, брось! Вообще не стоит...

Столяр любил вечером выйти во двор и посидеть на крылечке. Сядет на лесенку, закурит трубочку и смотрит. А Шарик уж тут как тут: облизывается, хвостиком виляет, лебезит.

— Ну что, Шарик?

— А ничего, все в порядке. День и ночь не сплю, твой дом стерегу.

— Так, так... Молодец! Ведь ты у меня умница...

— А то как же? Какой же порядок в доме, ежели нет хорошей собаки? Это не то, что какой-нибудь дармоед, вроде кота Васьки.

— А, не любишь? Ха, ха, ха! Не забыл, видно, Васькиных когтей?..

От скуки Шарик иногда гонял жирного кота по двору, — не со злости, а так просто. Хозяйка куда-нибудь уйдет, покажется кот на крылечко, — ну, как его не погонять, толстомордого? Правда, что Васька отчаянно защищался и два раза пребольно царапнул Шарика, но все-таки его побаивался. Шарик завидовал Ваське, которого каждый день поили молоком, а ему, Шарiku, доставались одни объедки...

II

Жил-поживал веселый столяр, распевал песни, а черное горе подкралось к нему невидимкой... Захворала жена столяра, пролежала неделю-две да и отдала душу богу. Горько плакал бедный столяр, ходил по своей избушке и все повторял:

— Как же я жить-то теперь буду? Ах, как я буду жить?

Пришли соседи, начали его утешать и всё говорили:

— Что ж ты так убиваешься? Всё у тебя, слава богу, есть... Ничего, и один как-нибудь проживешь.

— Всё есть, а жены нет, — плакал столяр. — Ах, как я жить буду? Как я без жены?..

Плачет столяр, разливается, и никто его утешить не может. Похоронил потом жену, засел опять за работу, только уж не стало слышно веселых песен в избушке. Молча работал столяр, а черное горе молча его глодало.

Трудно было жить столяру одному, и взял он себе одну бедную старушку, которая управлялась бы по хозяйству, — самому ему не поспеть везде, а то хоть работу бросай! И пошло всё вверх дном... И обед вовремя не готов, и кушанье не так приготовлено, и скотина сидит голодная, и в огороде ничего не родится.

— Дрянь дела, — ворчал петух, щелкая носом от голода. — Этак, пожалуй, подохнуть можно...

Куры тоже ворчали и начали меньше класть яиц. Голодавшая корова сразу сбавила молока; лошадь похудела, обросла голодной шерстью, — и все роптали. Ничего не говорил один козел, хоть и голодал вместе с другими. Что же тут говорить? Была жива хозяйка в доме, и всем было хорошо; не стало хозяйки — ну, значит, нужно терпеть.

Соседи, которые раньше завидовали веселому столяру, теперь говорили между собой:

— А мы думали, что он, столяр, умный... Огород запустил, скотину заморил, в доме никакого порядка нет... Какой же он умный столяр?

Самые добрые соседи нарочно приходили к столяру, качали головами, жалели и говорили все это вслух:

— А мы-то думали, что ты умный.

Столяр и сам видел, что всё у него идет из рук вон плохо, — не смотрел бы ни на что. Особенно тошно ему делалось по вечерам... Начал столяр уходить вечерами из дому куда-нибудь в соседи. Все-таки на людях как будто и повеселее, то есть даже и не веселее, а время как-то незаметно проходит. Глядишь, вечера и нет; а тут, глядишь, и спать пора... Прежде столяр работал по вечерам, а теперь работа лежала на полке.

— Успею как-нибудь, — утешал он самого себя. — Работа не медведь — в лес не уйдет!

Пошло плохо с работой. С одним заказом не поспел, другой упустил, третьего не дали... Стал думать столяр так: «Я-то ведь тот же, а это другие мне нарочно зло делают. Позавидовали моему достатку... Ничего, справимся!» Начал столяр подозревать других, что это они виноваты.

Начал он даже на скотину сердиться. Почему корова молока не дает? Почему лошадь не хочет возить по-прежнему? Почему куры перестали класть яйца?

«Да для чего они мне все? — подумал столяр. — Проживу и без них, а то только хлопоты одни да неприятности...»

Кончилось тем, что столяр вывел лошадь и корову на базар и продал. Жаль было продавать, да нельзя, видно, миновать.

— Да он совсем глупый, столяр-то, — заговорили соседки. — И кто это сказал, что он умный?.. Все хозяйство зорит...

Соседи говорят свое, а столяр думает свое. Раньше было другое, и он был другой, а теперь ему ничего не нужно. Пусть идет все крахом; сам наживал, сам и проживает.

Без лошади и коровы всем пришлось плохо. Бывало, от лошади и куры покормятся, и мышь стащит малую толику, и козлу достанутся объедки. То же и с коровой. Петух начал жаловаться громко:

— Житья совсем не стало... А наш хозяин дурак!..

Голуби тоже ворчали: ходят-ходят по двору, и хоть бы одно зернышко где завалилось. Ворчали воробьи:

— Какой же он хозяин, если воробья накормить нечем? Он нас доведет до того, что мы уйдем к другому хозяину... Пусть остается один и живет, как знает.

— И мы тоже уйдем, — пищали мыши. — Недохнуть же нам с голоду?.. Конечно, жаль его одного оставлять, да ничего не поделаешь.

Одним словом, поднялся настоящий бунт. Все были недовольны. Молчал только один упрямый старый козел. Правда, он наполовину наедался в поле, а другую половину добывал по соседям. Иногда ему крепко доставалось за это; часто его били; но козел был терпелив и только удивлялся, как это не поймут, что он хочет есть. Где сенца стащит, где клочок соломы, а где и палки отведает, за всем не угоняешься...

— Вот озорник! — ругали козла соседи. — В хозяина пошел: такой же забулдыга...

А столяр все видел и слышал и ничего не говорил. Что же поделаешь, пусть уходят все... Было время, были и сыты, и довольны, а теперь голодной мыши негде поесть. Видел столяр, как воробьи разлетались по соседям, — нетерпеливый народ! Видел, как за ними ушли голуби. Последними тронулись мыши. Одна старая мышь даже подошла к окну, покачала головой и сказала на прощанье:

— Ах, нехорошо, хозяин!.. Да, нехорошо... А все ты виноват... Мы думали, что ты умный.

— Уходите, уходите! — говорил столяр. — Ничего я поделать не могу.

— Мы бы, пожалуй, и остались, — говорила мышь, — да не стало житья от проклятого кота Васьки... Раньше-то он не беспокоил нас, а нынче не выходит из амбара. Если бы жива была хозяйка, да была корова, да поили каждый день Ваську молоком... Ах, хозяин, хозяин, вот как нехорошо!..

Кот Васька действительно здорово голодал. Сидит-сидит на печке и промяукает:

— Молочка бы Васе... ах, молочка!..

— Вот я тебе задам такого молочка, что ты у меня узнаешь!.. — ругался столяр. — Ишь, неженка! Ступай, лови мышей: твое ремесло...

Похудел Васька с горя, шерсть вылезла, глаза начали слезиться, — одним словом, был хороший кот, а теперь сделался дрянным. Выйдет во двор и мяучит:

— Нет хозяйки, нет молочка...

Приуныл и Шарик и больше не гонялся за котом. Не до того, когда у самого живот подвело с голоду. А хозяин точно не видит ничего... Тоже хорош! Раньше по вечерам в соседи уходил, а теперь

начал с утра пропадать. Домой приходил только ночевать. Раз пришел столяр только утром и совсем пьяный. Присел на крылечко и заплакал.

— Тошно мне! Скучно...

Пожалел хозяина Шарик, подошел к нему, приласкался.

— Ах, это ты, Шарик!..

Обнял столяр Шарика и еще больше заплакал.

— Тошно мне, Шарик!.. Не стало хозяйки, и ничего не стало. Дом совсем пустой стоит... Ах, нехорошо... А ведь все было, Шарик!.. Дом стоял, как полная чаша.

Что мог сказать Шарик? Он только повилял своим пушистым хвостом, лизнул хозяйскую руку и жалобно взвизгнул.

— Тоска меня съела, Шарик... Ничего мне не нужно, ничего не жаль... Работа из рук валится.

Подошли к крылечку козел и петух. Козел улегся на ступеньке, а петух стал на одну ногу и слушал.

— А, это вы!.. — удивлялся столяр. — Отчего вы не убежали?

— Вот тоже придумал! — рассердился козел, мотая бородой.

— Куда это мы пойдем? Я не согласен...

— Где твои куры? — спрашивает столяр петуха.

— С голоду разбежались по соседям, хозяин, — отвечал петух, переступая на другую ногу. — Что же им было тут делать? Даже мыши и те ушли...

— И вы уходите, все уходите, никого мне не нужно! — говорил столяр, закрывая лицо руками. — Кончено все!..

— Ну, это мы еще посмотрим... — ответил петух. — Ты знаешь, что я шутить не люблю. Куда мы пойдем?

— Я тоже не согласен... — подтвердил козел.

III

Дела у столяра шли хуже и хуже... Он сам видел, что плохо, и ничего не мог поделать. Раньше он уходил из дому по вечерам, а теперь начал пропадать по целым дням. Тяжело было возвращаться в пустой дом. Чтобы не покупать дров, столяр сначала сжег амбар, потом конюшню, потом ворота, потом забор кругом двора. Избушка теперь стояла на пустыре.

— Что же, я могу жить под крыльцом, — говорил козел. — Шарик, ты немного потеснишься, а вдвоем нам будет теплее.

Шарик не спорил. Отчего же и не потесниться для друга?.. Петух устроился под крышей и тоже не унывал. Что же, можно жить, если бы хозяин еще давал каждый день хоть одну горсточку овса. Иногда вечером все собирались около крыльца и рассуждали о своих делах.

— Нет ничего лучше молочка, — говорил кот Васька, усаживаясь на крылечке.

— Что молочко, а вот если бы, например, овес или крупа, это будет лучше, — спорил петух.

— Пустяки вы говорите, — уверял Шарик, — уж если что действительно хорошо, так это косточки... Сколько я на своем веку съел костей и знаю толк в еде! Да...

— Хорошо и сенца пожевать... — вставил свое слово козел. — Когда лошадь да корова были, так я до отвала наедался. Бывало, ночью встанешь и ешь... Вы глупы и не знаете толку в хорошем сене.

Раньше они любили поговорить о своем хозяине и часто его бранили; а теперь нечего было даже говорить. Когда он появлялся домой, каждый старался не попадаться ему на глаза. Приходил столяр обыкновенно сердитый, и лучше было с ним не встречаться. Утром проснется, с похмелья — еще сердитее. Раз чуть не переломал ноги Шарик камнем, так что верный пес озлился и оскалил зубы.

— Да ты, кажется, с ума сошел? — ворчал Шарик, поджав хвост. — Этак можно и совсем убить...

— А ты у меня поговори!.. Ох, не смотрел бы я на вас!.. Без вас тошно...

— Сам виноват, зачем не работаешь?.. Зачем пьянствуешь?

— Ты меня учить? Да я тебя разорву... Без вас знаю, что делать.

Чтобы доказать свою правду, столяр схватил палку и запустил ею в Шарика. Бедная собака едва успела унести ноги.

— Я вам покажу, какой я человек! — вскричал столяр. — Ну, пью, ну, не работаю и никого знать не хочу...

Он ходил по своему пустырю, бранился и кому-то грозил кулаком. Ведь все были виноваты, а он прав. И он, столяр, умнее всех.

В другой раз, проснувшись утром с больной головой, столяр услышал, как петух пропел свое «кукуреку». Это показалось столяру обидным: у него голова трещит, а петух горло дерет, как сумасшедший... И для чего, подумаешь, надывается глупая птица? Потом у столяра мелькнула в голове счастливая мысль. Он разыскал сухую корочку, разломал ее в крошки и вышел на крыльцо. Петух ходил по пустырю.

— Здравствуй, хозяин! Кррр...

— Здравствуй, Петя! Хочешь хлебца поклевать? Да ну же, иди сюда.

Петух сделал голову набок, посмотрел на брошенные крошки, посмотрел на хозяина и ответил:

— Эге, ты за кого это меня считаешь, хозяин? Я еще не настолько глуп, чтобы за несколько крошек попасть тебе на жаркое... Шалишь, брат!..

— Да ты иди, Петька... Ну, ну, иди же, говорят тебе! Потолкуем...

— А ты меня съешь?

— Нет, не съем...

— Нет, съешь.

— Ну, если ты не хочешь идти, так я к тебе сам подойду...

Столяр рассердился на глупого петуха и, схватив камень, бросился за ним. Петух страшно перепугался, распустил крылья и заорал благим матом:

— Ой, батюшки, убили... живого петуха убили. Караул... Батюшки, батюшки!..

Долго гонялся столяр за петухом, бросал в него камнями и ничего не мог поделать. Живое жаркое увертывалось у него из-под носу самым обидным образом... Петух спасся только тем, что бегал кругом избушки и ловко скрывался. И козел, и Шарик видели все это, но не гнались за петухом, как бывало раньше при домашних ссорах.

Теперь было другое. Наконец столяр выбился из сил, присел на крылечко и, схватившись руками за голову, горько заплакал. Обиженный до глубины души, петух отошел и ждал, что будет дальше.

— Если бы у меня была конюшня, я загнал бы петуха в нее, и там-то уж он не ушел бы от меня, — плакался столяр, качая головой. — Ах, я несчастный!.. Петух и тот не слушается меня.

— А ты попробуй съесть Шарика! — крикнул петух издали, оправляя смявшиеся перья. — Тоже придумал... Ведь всего и птицы осталось, что я один. Вот воробьи и голуби давно разлетелись по соседям, а я остался. Жаль мне тебя, хозяин... Старого добра не помнишь. Видно, забыл, сколько лет я тебе служил верой и правдой.

Козел стоял посреди пустыря, уставившись глазами в землю, и молча сердился на хозяина. Давно ли попрекал его за драки с петухом, а сам-то что делает? Тоже хорош, нечего сказать...

«Вот сиди теперь один, — думал козел. — А я и не подойду!.. Сегодня последнего петуха съел бы, а завтра... И думать противно».

Пожалел хозяина один Шарик. Верный пес не помнил зла. Он обошел крыльцо кругом, остановился перед хозяином и ласково вильнул хвостом.

— Будет тебе плакать, хозяин... Нехорошо.

— Кто это говорит? Ах, это ты, Шарик...

Шарик прыгнул к хозяину и припал головой к нему на колени. Столяр взял его за шею и обнял. А у самого слезы так и капают на умную собачью морду.

— Ах, Шарик, Шарик... Один ты у меня друг остался. Да, один... Помнишь, как мы поживали да добра наживали?

— Отлично помню, хозяин... все у нас было. Одних костей сколько мне доставалось... А теперь забыл, чем кости пахнут.

— У тебя кости на уме, а у меня вся душа изболелась. Я сам себя начинаю ненавидеть. И лентяй, и пьяница... Добрые люди от меня начинают сторониться. Не такой ведь я был раньше-то... Тоска меня заела.

Жаль стало Шарика хозяина, и он только слабо взвизгивал, помахивая своим пушистым хвостом.

— Скучно мне, тошно... — повторял столяр, поднимая собаку. — Точно все у меня порвалось внутри и сам я чужой себе.

IV

Плохо жил столяр, и чем дальше, тем хуже. Хотел даже последнюю свою избушку продать и как-то вечерком привел покупателя... Ходят вдвоем, осматривают избушку, покупатель в стену постукивает, — не сгнили ли бревна.

— Да уж отличная избушка, — уверял столяр. — Не на продажу строилась.

Покупатель не верил чужим словам, а только своим глазам. Осмотрев избу, он полез под крыльцо: нет ли, мол, там какого изьяна... А под крыльцом лежал козел. Как увидел он чужого человека, поднялся и сейчас его на рога, — так ударил, что чуть глаза не вышиб.

— Это у тебя что за генерал лежит? — ругался покупатель, вылезая из-под крыльца. — Чуть не убил до смерти, проклятый...

Столяр рассердился и принялся гнать козла. Но это было не так-то легко сделать: уперся козел, и делу конец! Не пустил под крыльцо даже хозяина.

— Не глядевши, я не могу покупать, — заявил покупатель.

— Да ведь что же я поделаю с ним, с упрямым чертом?

— Дело твое...

Слово за слово, столяр и покупатель заспорили; разгорячились и чуть не подрались. На шум сбежались соседи и едва их розняли.

— Ты сам козел! — ругал столяра покупатель. — Вам вместе под крыльцом жить надо...

Так продажа и не состоялась, а столяр окончательно рассердился на старого упрямого козла. В самом деле, что он живет зря, то есть козел? Петуха хоть зажарить можно. Шарик дом стережет, кот Васька мышей ловит, а этот уж совсем ни к чему.

Чем больше думал столяр, тем больше убеждался, что козел совершенно ему не нужен и даже как будто мешает. Разве нельзя прожить без козла? А потом столяр все сильнее сердился на него, потому что козел помешал продать избушку.

— Этакая проклятая тварь навязалась! — бранился столяр, припоминая свою ссору с покупателем. — Он и меня на рога чуть не поддел... погоди, брат, я тебе удружу! Будешь меня помнить, проклятая скотинка...

Сказано — сделано. Поймал столяр козла за рога, накинул на шею веревку и повел продавать. Как ни упирался козел, как ни брыкался, а ничего не мог поделать, особенно когда столяру начали помогать соседи: кто хворостиной, кто палкой погонял сзади. У соседей были старые счеты с козлом: кого лягнул, кого боднул, у кого сена клок стащил, у кого капусту в огороде съел. Все рады, что избавятся наконец от козла. Туда ему и дорога...

— Тащи его! — кричали соседи, подстегивая упиравшегося козла. — Недаром говорится, что от козла — ни шерсти, ни молока... Да и нам спокойнее. В прошлом году тетке Матрене два зуба вышиб...

Никто не прибавил, что тетка Матрена три раза обливала козла кипятком. Впрочем, козел уже давно привык к несправедливости и не обращал внимания на неблагодарных соседей. Гонят сами, а сами не понимают, что бывают козлы гораздо хуже. Да, совсем скверные козлы.

Вывел столяр козла на рынок и простоял целый день. Никому не нужно козла... Еще обиднее сделалось столяру: какая же это скотина, которой никому даром не нужно? В сердцах столяр несколько раз пребольно пнул ногой козла прямо в бок.

— Из-за тебя только целый день потерял...

— А я с тобой и разговаривать не желаю!

— Хорошо, погоди, я тебе и не так удружу!..

Когда все покупатели разошлись с рынка, столяр повел козла к знакомому купцу. Привел на двор и давай расхваливать.

— Благодарить будете, ваше степенство, потому что это не козел, а клад. Уж сколько он умен да догадлив... Ну-ка, Вася, тряхни бородкой! Уж другого такого козла днем с огнем не сыскать...

— Нахваливай пуще... — ворчал козел, мотая бородой. — Только, смотри, не подавись от вранья...

— И смышленный какой... — нахваливал столяр. — Его и кормить совсем не надо: сам себе пропитание добудет.

— Ну, это ты уж совсем напрасно, — рассердился козел. — Хоть один раз закусить хорошенько... Давненько я не едал по-настоящему.

Понравился упрямый козел купцу. Как раз ему вот такого и нужно. Да и ребятишкам забава... Ударили по рукам, и столяр получил за козла целых три рубля. Давно у него не было в руках таких денег, и с радости столяр напился пьян.

Просыпается утром на другой день, а кот Васька с печки ему мяукает:

— Дяденька, а козел-то опять у нас. Прибежал с веревкой на шее...

— Ну, это его дело, а я его больше не знаю...

Пришел от купца дворник с кучером, и вытащили козла за рога, зацепили веревкой и потащили к новому хозяину, только бока трещат.

— Чего ты упираешься-то? — удивлялся столяр. — Там, по-крайней мере, сыт будешь...

— Ну, это дело мое, — ответил сердито козел. — В гостях хорошо, а дома лучше того...

Прошло два дня, и козел опять вернулся домой. Пришли за ним два дворника и два кучера и принялись бить. Даже столяру сделалось жаль упрямую скотину.

— Ну, перестань, не упрямясь, — уговаривал он козла.

Посмотрел на него козел исподлобья, нахмурился и проговорил всего одно слово:

— Эх ты, бесстыдник!..

Задумался столяр. Мудреный козел: не хочет жить у купца, где сладко поят и кормят, а рвется домой, в избушку, где хоть шаром покати, голодной мыши нечем накормить. Потом сделалось столяру совсем совестно... А козел опять пришел. Идет по улице и прихрамывает. Даже соседи и те пожалели: «Ах, бедный козлик!» Забился козел под свое крыльцо и лежит — туча тучей. Добыл столяр немного хлеба и снес козлу.

— На вот, покушай, упрямая башка...

Козел даже не шевельнулся. И на хлеб не смотрит... Еще совестнее сделалось столяру. Ведь вот скотина, бессловесная тварь, а своего угла ни за что не желает менять. И вот Васька тоже, и петух, и Шарик... Отправился столяр к купцу и говорит:

— Ваше степенство, как же мы относительно козлика? Он опять прибежал ко мне...

— Ты меня обманул, — говорит купец, — продавал козла за умного, а он хуже черта. Вот кучера да дворники совсем замаялись с ним. Все руки, говорят, отколотили о проклятого козла. Совсем глупый козел...

— Нет, ваше степенство, совсем даже не глупый он. Да... Поумнее будет дурака-то хозяина, потому как он свой дом знает. Уступите его мне обратно, а деньги я вам отработаю.

— Да бери хоть даром. Все равно не будет у меня жить...

— Нет уж, зачем даром. Это нехорошо...

Вернулся столяр домой такой веселый и принялся за свою работу. Давно его таким не видали. Опять засвистела пила, и полетели стружки... Опять соседи слышали, как поет столяр, работает и поет.

— Ну, теперь у нас все пойдет хорошо, — говорит Шарик, — хозяин поет, значит, беда прошла...

Вылез из-под крыльца козел, посмотрел кругом, мотнул бородой и сказал:

— Кабы не я, так все бы вы пропали тут...

Через год около избушки появились и новый забор, и новые ворота, и новый сарай. Прилетели голуби, зачиликали воробьи, вернулась старая мышь со всем семейством.

— Это он для нас, для мышей, выстроил, — уверяла мышь, осматривая сарай. — Ничего, как-нибудь поместимся... Ведь я ему говорила тогда, что не проживет он без нас.

Приемыш.

I

Дождливый летний день. Я люблю в такую погоду бродить по лесу, особенно когда впереди есть теплый уголок, где можно обсушиться и обогреться. Да к тому же летний дождь — теплый. В городе в такую погоду — грязь, а в лесу земля жадно впитывает влагу, и вы идете по чуть отсыревшему ковру из прошлогоднего палого листа и осыпавшихся игл сосны и ели. Деревья покрыты дождевыми каплями, которые сыплются на вас при каждом движении. А когда выглянет солнце после такого дождя, лес так ярко зеленеет и весь горит алмазными искрами. Что-то праздничное и радостное кругом вас, и вы чувствуете себя на этом празднике желанным, дорогим гостем.

Именно в такой дождливый день я подходил к Светлому озеру, к знакомому сторожу на рыбацкой сайме Тарасу. Дождь уже редел. На одной стороне неба показались просветы, еще немножко — и покажется горячее летнее солнце. Лесная тропинка сделала крутой поворот, и я вышел на отлогий мыс, вдававшийся широким языком в озеро. Собственно, здесь было не самое озеро, а широкий проток между двумя озерами, и сайма приткнулась в излучине на низком берегу, где в заливишке ютились рыбацьи лодки. Проток между озерами образовался благодаря большому лесистому острову, разлегшемуся зеленой шапкой напротив саймы.

Мое появление на мысу вызвало сторожевой оклик собаки Тараса, — на незнакомых людей она всегда лаяла особенным образом, отрывисто и резко, точно сердито спрашивала: «Кто идет?» Я люблю таких простых собачонок за их необыкновенный ум и верную службу...

Рыбачья избушка издали казалась повернутой вверх дном большой лодкой, — это горбилась старая деревянная крыша, проросшая веселой зеленой травой. Кругом избушки поднималась густая поросль из иван-чая, шалфея и «медвежьих дудок», так что у подходившего к избушке человека виднелась одна голова. Такая густая трава росла только по берегам озера, потому что здесь достаточно было влаги и почва была жирная.

Когда я подходил уже совсем к избушке, из травы кубарем вылетела на меня пестрая собачонка и залилась отчаянным лаем.

— Соболько, перестань... Не узнал?

Соболько остановился в раздумье, но, видимо, еще не верил в старое знакомство. Он осторожно подошел, обнюхал мои охотничьи сапоги и только после этой церемонии виновато завил хвостом. Дескать, виноват, ошибся, — а все-таки я должен стеречь избушку.

Избушка оказалась пустой. Хозяина не было, то есть он, вероятно, отправился на озеро осматривать какую-нибудь рыболовную снасть. Кругом избушки все говорило о присутствии живого человека: слабо курившийся огонек, охалка только что нарубленных дров, сушившаяся на кольях сеть, топор, воткнутый в обрубок дерева. В приотворенную дверь саймы виднелось все хозяйство Тараса: ружье на стене, несколько горшков на печи, сундучок под лавкой, развешанные снасти. Избушка была довольно просторная, потому что зимой во время рыбного лова в ней помещалась целая артель рабочих. Летом старик жил один. Несмотря ни на какую погоду, он каждый день жарко на тапливал русскую печь и спал на полатах. Эта любовь к теплу объяснялась почтенным возрастом Тараса: ему было около девяноста лет. Я говорю «около», потому что сам Тарас забыл, когда он родился. «Еще до француза», как объяснял он, то есть до нашествия французов в Россию в 1812 году.

Сняв намокшую куртку и развесив охотничьи доспехи по стенке, я принялся разводить огонь. Соболько вертелся около меня, предчувствуя какую-нибудь поживу. Весело разгорелся огонек, пустив сверху синюю струйку дыма. Дождь уже прошел. По небу неслись разорванные облака, роняя редкие капли. Кое-где синели просветы неба. А потом показалось и солнце, горячее июльское солнце, под лучами которого мокрая трава точно задымилась. Вода в озере стояла тихо-тихо, как это бывает только после дождя. Пахло свежей травой, шалфеем, смолистым ароматом недалеко стоявшего сосняка. Вообще хорошо, как только может быть хорошо в таком глухом лесном уголке. Направо, где кончался проток, синела гладь Светлого озера, а за зубчатой каймой поднимались горы. Чудный уголок! И не даром старый Тарас прожил здесь целых сорок лет. Где-нибудь в городе он не прожил бы и половины, потому что в городе не купишь ни за какие деньги такого чистого воздуха, а главное — этого спокойствия, которое охватывало здесь. Хорошо на сайте!.. Весело горит яркий огонек; начинает припекать горячее солнце, глазам больно смотреть на сверкающую даль чудного озера. Так сидел бы здесь и, кажется, не расстался бы с чудным лесным привольем. Мысль о городе мелькает в голове, как дурной сон.

В ожидании старика я прикрепил на длинной палке медный походный чайник с водой и повесил его над огнем. Вода уже начинала кипеть, а старика все не было.

— Куда бы ему деться? — раздумывал я вслух. — Снасти осматривают утром, а теперь полдень... Может быть, поехал посмотреть, не ловит ли кто рыбу без спроса... Соболько, куда девался твой хозяин?

Умная собака только виляла пушистым хвостом, облизывалась и нетерпеливо взвизгивала. По наружности Соболько принадлежал к типу так называемых «промысловых» собак. Небольшого роста, с острой мордой, стоячими ушами и загнутым вверх хвостом, он, пожалуй, напоминал обыкновенную дворнягу с той разницей, что дворняга не нашла бы в лесу белки, не сумела бы «облаять» глухаря, выследить оленя, — одним словом, настоящая промысловая собака, лучший друг человека. Нужно видеть такую собаку именно в лесу, чтобы в полной мере оценить все ее достоинства.

Когда этот «лучший друг человека» радостно взвизгнул, я понял, что он завидел хозяина. Действительно, в протоке черной точкой показалась рыбачья лодка, огибавшая остров. Это и был Тарас... Он плыл, стоя на ногах, и ловко работал одним веслом — настоящие рыбаки все так плавают на своих лодках-однодеревках, называемых не без основания «душегубками». Когда он подплыл ближе, я заметил, к удивлению, плывшего перед лодкой лебедя.

— Ступай домой, гуляка! — ворчал старик, подгоняя красиво плывшую птицу. — Ступай, ступай... Вот я тебе дам — уплывать бог знает куда... Ступай домой, гуляка!

Лебедь красиво подплыл к сайме, вышел на берег, встряхнулся и, тяжело переваливаясь на своих кривых черных ногах, направился к избушке.

II

Старик Тарас был высокого роста, с окладистой седой бородой и строгими большими серыми глазами. Он все лето ходил босой и без шляпы. Замечательно, что у него все зубы были целы и волосы на голове сохранились. Загорелое широкое лицо было изборождено глубокими морщинами. В жаркое время он ходил в одной рубахе из крестьянского синего холста.

— Здравствуй, Тарас!

— Здравствуй, барин!

— Откуда бог несет?

— А вот за Приемышем плавал, за лебедем... Все тут вертелся в протоке, а потом вдруг и пропал... Ну, я сейчас за ним. Выехал в озеро — нет; по заводям проплыл — нет; а он за островом плавает.

— Откуда достал-то его, лебеда?

— А бог послал, да!.. Тут охотники из господ наезжали; ну, лебеда с лебедушкой и пристрелили, а вот этот остался. Забился в камыши и сидит. Летать-то не умеет, вот и спрятался ребячьим делом. Я, конечно, ставил сети подле камышей, ну и поймал его. Пропадет один-то, ястреба заедят, потому как смыслу в ем еще настоящего нет. Сиротой остался. Вот я его привез и держу. И он тоже привык... Теперь вот скоро месяц будет, как живем вместе. Утром на заре поднимется, поплавает в протоке, покормится, потом и домой. Знает, когда я встаю, и ждет, чтобы покормили. Умная птица, одним словом, и свой порядок знает.

Старик говорил необыкновенно любовно, как о близком человеке. Лебедь приковывал к самой избушке и, очевидно, выжидал какой-нибудь пощечки.

— Улетит он у тебя, дедушка... — заметил я.

— Зачем ему лететь? И здесь хорошо: сыт, кругом вода...

— А зимой?

— Перезимует вместе со мной в избушке. Места хватит, а нам с Собољком веселей. Как-то один охотник забрел ко мне на сайму, увидел лебеда и говорит вот так же: «Улетит, ежели крылья не подрежешь». А как же можно увечить божью птицу? Пусть живет, как ей от господа указано... Человеку указано одно, а птице — другое... Но возьму я в толк, зачем господа лебедей застрелили. Ведь и есть не станут, а так, для озорства...

Лебедь точно понимал слова старика и посматривал на него своими умными глазами.

— А как он с Собољком? — спросил я.

— Сперва-то боялся, а потом привык. Теперь лебедь-то в другой раз у Собољка и кусок отнимает. Пес заворчит на него, а лебедь его — крылом. Смешно на них со стороны смотреть. А то гулять вместе отправятся: лебедь по воде, а Собољко — по берегу. Пробовал пес плавать за ним, ну, да ремесло-то не то: чуть не потонул. А как лебедь уплывет, Собољко ищет его. Сядет на бережку и воет... Дескать, скучно мне, псу, без тебя, друг сердешный. Так вот и живем втроем.

Я очень любил старика. Рассказывал уж он очень хорошо и знал много. Бывают такие хорошие, умные старики. Много летних ночей приходилось коротать на сайме, и каждый раз узнаешь что-нибудь новое. Прежде Тарас был охотником и знал места кругом верст за пятьдесят, знал всякий обычай лесной птицы и лесного зверя; а теперь не мог уходить далеко и знал одну свою рыбу. На лодке плавать легче, чем ходить с ружьем по лесу, а особенно по горам. Теперь ружье оставалось у Тараса только по старой памяти да на всякий случай, если бы забежал волк. По зимам волки заглядывали на сайму и давно уже точили зубы на Собољка. Только Собољко был хитер и не давался волкам.

Я остался на сайме на целый день. Вечером ездили удить рыбу и ставили сети на ночь. Хорошо Светлое озеро, и недаром оно названо Светлым, — вода в нем совершенно прозрачная, так что плывешь на лодке и видишь все дно на глубине несколько сажен. Видны и пестрые камешки, и желтый речной песок, и водоросли, видно, как и рыба ходит «руном», то есть стадом. Таких горных озер на Урале сотни, и все они отличаются необыкновенной красотой. От других Светлое озеро отличалось тем, что прилегало к горам только одной стороной, а другой выходило «в степь», где начиналась благословенная Башкирия. Кругом Светлого озера разлеглись самые привольные места, а из него выходила бойкая горная река, разливавшаяся по степи на целую тысячу верст. Длинной озеро было до двадцати верст, да в ширину около девяти. Глубина достигала в некоторых местах сажен пятнадцати... Особенную красоту придавала

ему группа лесистых островов. Один такой островок отделился на самую середину озера и назывался Голодаем, потому что, попав на него в дурную погоду, рыбаки не раз голодали по нескольку дней.

Тарас жил на Светлом уже сорок лет. Когда-то у него были и своя семья и дом, а теперь он жил бобылем. Дети перемерли, жена тоже умерла, и Тарас безвыходно оставался на Светлом по целым годам.

— Не скучно тебе, дедушка? — спросил я, когда мы возвращались с рыбной ловли. — Жутко одинокому-то в лесу...

— Одному? Тоже и скажет барин... Я тут князь князем живу. Все у меня есть... И птица всякая, и рыба, и трава. Конечно, говорить они не умеют, да я-то понимаю все. Сердце радуется в другой раз посмотреть на божью тварь... У всякой свой порядок и свой ум. Ты думаешь, зря рыбка плавает в воде или птица по лесу летает? Нет, у них заботы не меньше нашего... Эвон, погляди, лебедь-то дожидается нас с Собољком. Ах, прокурат!..

Старик ужасно был доволен своим Приемышем, и все разговоры в конце концов сводились на него.

— Гордая, настоящая царская птица, — объяснил он. — Помани его кормом да не дай, в другой раз и не пойдет. Свой характер тоже имеет, даром что птица... С Собољком тоже себя очень гордо держит. Чуть что, сейчас крылом, а то и носом долбанет. Известно, пес в другой раз созорничать захочет, зубами норовит за хвост поймать, а лебедь его по морде... Это тоже не игрушка, чтобы за хвост хватать.

Я переночевал и утром на другой день собрался уходить.

— Ужо по осени приходи, — говорит старик на прощанье. — Тогда рыбу лучить будем с острогой... Ну, и рябчиков постреляем. Осенний рябчик жирный.

— Хорошо, дедушка, приеду как-нибудь.

Когда я отходил, старик меня вернул:

— Посмотри-ка, барин, как лебедь-то разыгрался с Собољком...

Действительно, стоило полюбоваться оригинальной картиной. Лебедь стоял, раскрыв крылья, а Собољко с визгом и лаем нападал на него. Умная птица вытягивала шею и шипела на собаку, как это делают гуси. Старый Тарас от души смеялся над этой сценой, как ребенок.

III

В следующий раз я попал на Светлое озеро уже поздней осенью, когда выпал первый снег. Лес и теперь был хорош. Кое-где на берегах еще оставался желтый лист. Ель и сосны казались зеленее, чем летом. Сухая осенняя трава выглядывала из-под снега желтой щеткой. Мертвая тишина царила кругом, точно природа, утомленная летней кипучей работой, теперь отдыхала. Светлое озеро казалось больше, потому что не стало прибрежной зелени. Прозрачная вода потемнела, и в берег с шумом била тяжелая осенняя волна...

Избушка Тараса стояла на том же месте, но казалась выше, потому что не стало окружавшей ее высокой травы. Навстречу мне выскочил тот же Собољко. Теперь он узнал меня и ласково завилал хвостом еще издали. Тарас был дома. Он чинил невод для зимнего лова.

— Здравствуй, старина!..

— Здравствуй, барин!

— Ну, как поживаешь?

— Да ничего... По осени-то, к первому снегу, прихворнул малость. Ноги болели... К непогоде у меня всегда так бывает.

Старик действительно имел утомленный вид. Он казался теперь таким дряхлым и жалким. Впрочем, это происходило, как оказалось, совсем не от болезни. За чаем мы разговорились, и старик рассказал свое горе.

— Помнишь, барин, лебедя-то?

— Приемыша?

— Он самый... Ах, хороша была птица!.. А вот мы опять с Собољком остались одни... Да, не стало Приемыша.

— Убили охотники?

— Нет, сам ушел... Вот как мне обидно это, барин!.. Уж я ли, кажется, не ухаживал за ним, я ли не водился!.. Из рук кормил... Он ко мне и на голос шел. Плавает он по озеру, — я его кликну, он и подплывает. Ученая птица. И ведь совсем привыкла... да!.. Уж в заморозки грех вышел. На перелете стадо лебедей спустилось на Светлое озеро. Ну, отдыхают, кормятся, плавают, а я люблюсь. Пусть божья птица с силой соберется: не близкое место лететь... Ну, а тут и вышел грех. Мой-то Приемыш сначала сторонился от других лебедей: подплывет к ним, и назад. Те гогочут по-своему, зовут его, а он домой...

Дескать, у меня свой дом есть. Так дня три это у них было. Все, значит, переговариваются по-своему, по-птичьему. Ну, а потом, вижу, мой Приемыш затосковал... Вот все равно как человек тоскует. Выйдет это на берег, встанет на одну ногу и начнет кричать. Да ведь как жалобно кричит... На меня тоску нагонит, а Соболько, дурак, волком воет. Известно, вольная птица, кровь-то сказалась...

Старик замолчал и тяжело вздохнул.

— Ну, и что же, дедушка?

— Ах, и не спрашивай... Запер я его в избушку на целый день, так он и тут донял. Станет на одну ногу у самой двери и стоит, пока не сгонишь его с места. Только вот не скажет человеческим языком: «Пусти, дедушки, к товарищам. Они-то в теплую сторону полетят, а что я с вами тут буду зимой делать?» Ах, ты, думаю, задача! Пустить — улетит за стадом и пропадет...

— Почему пропадет?

— А как же?.. Те-то на вольной воле выросли. Их, молодые которые, отец с матерью летать выучили. Ведь ты думаешь, как у них? Подрастут лебедята, — отец с матерью выведут их сперва на воду, а потом начнут учить летать. Исподволь учат: все дальше да дальше. Своими глазами я видел, как молодых обучают к перелету. Сначала особняком учат, потом небольшими стаями, а потом уже сгрудятся в одно большое стадо. Похоже на то, как солдат муштруют... Ну, а мой-то Приемыш один вырос и, почитай, никуда не летал. Поплывает по озеру — только и всего ремесла. Где же ему перелететь? Выбьется из сил, отстанет от стада и пропадет... Непривычен к дальнему лету.

Старик опять замолчал.

— А пришлось выпустить, — с грустью заговорил он. — Все равно, думаю, ежели удержу его на зиму, затоскует и схиреет. Уж птица такая особенная. Ну, и выпустил. Пристал мой Приемыш к стаду, поплавал с ним день, а к вечеру опять домой. Так два дня приплывал. Тоже, хоть и птица, а тяжело с своим домом расставаться. Это он прощаться плавал, барин... В последний-то раз отплыл от берега этак сажень на двадцать, остановился и как, братец ты мой, крикнет по-своему. Дескать: «Спасибо за хлеб, за соль!..» Только я его и видел. Остались мы опять с Собольком одни. Первое-то время сильно мы оба тосковали. Спрошу его: «Соболько, а где наш Приемыш?» А Соболько сейчас выть... Значит, жалеет. И сейчас на берег, и сейчас искать друга милого... Мне по ночам все грезилось, что Приемыш-то тут вот полощется у берега и крылышками хлопает. Выйду — никого нет...

Вот какое дело вышло, барин.